наперекор

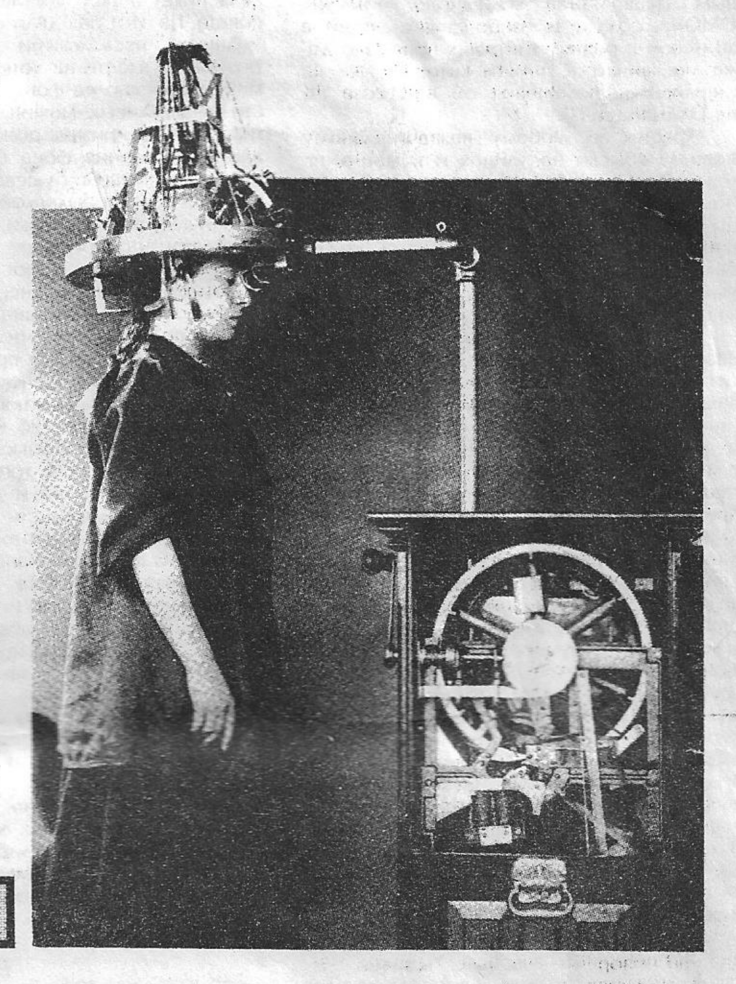
Журнал - катализатор умственного брожения

МОСКВА N 3 ИЮЛЬ 1996

Пропаганда всегда находит пути для собственного обновления и придания контролю над мыслями людей более приятной формы. Там, где церковь и государство потеряли возможность контроля над массами с помощью страха, телевидение и печатные средства массовой информации продолжают их дело.

Выборы показали, как далеко они готовы зайти и как легко они готовы разрушить всякую видимость непредвзятости для достижения политических и идеологических целей. На протяжении почти полугода нас пытались заставить забыть о своем непосредственном опыте, о наших собственных страданиях, о страданиях наших друзей, близких и соседей и поверить в то, что единственное решение наших проблем - это Ельцин. И хотя всем известно, что он не может предложить ничего, кроме сохранения номенклатурного монополистического капитализма и воровства, нас призывали поверить в него, и не только слепо поверить, но игнорировать наш собственный опыт и думать исключительно в идеологических терминах.

Если еще вчера Ельцин был "неподходящим человеком для России", то сегодня он становится "единственно возможным человеком для России". Массы становятся жертвами синдрома "меньшего из двух зол" (который превращает страны с двухпартийной системой, вроде США, во все более и более тоталитарные режимы), как будто существуют только две альтернативы. И потом это обнищание духа, этот избитый пессимизм называют "политическим реализмом", как будто действительность - это не то, что мы делаем из нее. Все это символизирует окончательное бессилие людей, неспособность изменить свою политическую жизнь. Людям предлагают отвратительные примеры действительности и спрашивают, какой они ненавидят меньше. Затем их хвалят за то, что они в очередной раз подтвердили свой выбор демократии. Вообще-то такая "демократия" дурно пахнет.

ФАБРИКА СОГЛАСИЯ

Даже такой тупица, как Явлинский, был способен понять и подчеркнуть роль средств массовой информации в убеждении людей проголосовать за того или иного кандидата. Сам он, конечно, в тайне страдал из-за того, что не он получал все это внимание. Просто, если в этой ситуации он был недоволен манипуляцией общественным сознанием со стороны масс медиа, то в другой ситуации, если бы он сам находился в привилегированном положении, его бы они вполне устраивали.

Роль средств массовой информации становится все более и более важной, они проникают во все новые и новые сферы нашей жизни. СМИ скромно умалчивают или очень быстро забывают о скандалах, связанных с коррупцией, например, и раздувают до чудовищных размеров самые незначительные детали - у них есть пусть не всегда ясная для зрителей, но очень реальная политическая программа. Они предлагают половинки целых ситуаций, создают героев и злодеев и готовы напасть на всякого беззащитного, трусливо поджимая хвост перед власть придержащими - крупными рекламодателями, богатыми, членами правительства. Они создают вполне реальные иллюзии в головах людей.

Только подумайте обо всей лжи, которую переварили люди за последние несколько лет. Оглянувшись назад, мы можем отчетливо увидеть всю эту ложь. Теперь СМИ гораздо более могущественны, поскольку теперь пропаганда приходит в ваш дом под маской развлечения. "Династия" и тому подобные сериалы создают теперь уже всемирный миф о благополучном капитализме, и в то время, когда Мексика находится на грани финансового краха и тысячи людей, которые не смогли уехать в соседние США, живут почти в рабском положении и страдают от чудовищного экологического кризиса, нам показывают мексиканцев, живущих в роскошных виллах, нам показывают то, во что людям нравится верить.

И если вы думаете, что советская пропаганда была отвратительной и тоталитарной, вы можете просто не поверить в существование западной пропаганды, поскольку она кажется такой естественной и основанной на всеобщем добровольном согласии. Советская пропаганда говорила о величии завоеваний социализма, но в подтверждение могла предложить только хрущевки. Капиталисты предлагают более соблазнительные морковки. Насквозь пропитанные рекламой современные СМИ постоянно предлагают вам плоды демократии, возможность "выбора" (между "Китекэт" и "Вискас"). Идеология становится священной. Демократия превращается в священное слово и людям постоянно повторяют, что все зависит от них - поэтому они должны проголосовать за кого нужно (и потом нести ответственность за его действия), что они должны больше и лучше работать и быть более моральными. Им говорят, что все зависит от них самих и поэтому, что бы с ними ни случилось, виноваты только они сами. Со временем система начинает восприниматься как абсолют, как своего рода тоталитаризм с незначительными возможностями для вариаций. Такова роль западных средств массовой информации, а теперь уже и российских - отвлекать внимание от тоталитарной природы системы, создавая и творчески развивая миф о том, что всякий нормальный человек согласен с основополагающими принципами государства и капитализма.

Лора АКАЙ

МАЛАЯ АТОМНАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

Лучше быть активным сегодня,
чем радиоактивным завтра.
Народная мудрость

10-летие Чернобыльской катастрофы Киев встретил фактически оккупированным. Невероятное количество милиции, ОМОНа, солдат и озабоченных людей в штатском с рациями в руках поражало даже москвичей, в памяти которых еще не стерлись воспоминания об апофеозе ГБ на Олимпиаде-80.

Аресты по любому незначительному поводу, обыски на улицах и в метро, не говоря уже о безнаказанных убийствах (как раз накануне чернобыльской годовщины Киев хоронил студента-юриста, беспричинно застреленного омоновцами среди бела дня) наводили на горожан и гостей украинской столицы неподдельные ужас и отвращение.

Киевский горсовет заранее, как и год назад, как и многие годы до этого, запретил все неофициальные мероприятия, посвященные чернобыльской годовщине, организовав чудовищное по своему цинизму и порнографичности якобы траурное шоу с музыкой и световыми эффектами. Но, несмотря на запрет, неофициальные мероприятия все же состоялись. 23 апреля международное радикальное экологическое движение "Хранители Радуги" и ряд молодежных экологических групп Киева организовали блокаду здания кабинета министров республики, требуя прекратить осуществление безумного плана развития ядерного комплекса Украины, требуя закрыть Чернобыльскую АЭС, требуя настоящего, а не показного внимания к жертвам Чернобыля. Разумеется, милиция пресекла акцию. При аресте 19 молодых активистов подверглись избиениям - кулаками и коваными башмаками по ребрам, головой об асфальт, о двери милицейских "воронков". В суде наказания назначали за строптивость нрава, а не за реальную активность на пикете. Пятеро были приговорены к административному аресту (от трех до пяти суток) - в том числе задержанные впервые, что противоречит законам Украины. Несколько человек получили штрафы, весьма существенные для здешних условий.

Арестованные объявили голодовку, а оставшиеся на свободе пытались привлечь к фактам беззакония внимание прессы. Тщетно! Киевская пресса запугана и молчалива практически также, как во времена чернобыльской аварии. Газеты и радио проигнорировали событие и только частная телекомпания "Вікна" решилась показать сюжет об акции.

Арест нескольких активистов не помешал "Хранителям Радуги" провести 26 апреля пикет перед зданием киевского горсовета. На этот раз дело ограничилось для "зеленых" несколькими часами ареста. Возможно, власти не хотели раздувать шумиху, особенно на фоне бешеной активности поливальных машин, моющих Крещатик - верный признак резкого скачка радиации. Повышение фона списывалось властями на пожары, бушевавшие в юбилейные дни в чернобыльской зоне, однако неофициальные источники однозначно утверждают, что причиной резкого повышения радиоактивности послужил выброс на работающем третьем энергоблоке ЧАЭС.

Российским гражданам, читающим эти строки, полезно знать, что и в нашей стране существует ядерная программа, подписанная премьером Черномырдиным в 1992 году и предусматривающая пуск в ближайшее десятилетие 26 новых реакторов. Рука руку моет: нефтегазовая мафия помогает атомной. Вместо того, чтобы использовать энергию ветра и другие альтернативные источники, власть имущие пускают на ветер миллиарды, которые государство изымает из наших карманов.

Атомная энергетика столь очевидно смертельно опасна, что никакие разговоры о некомпетентности общественности не имеют смысла. Действующие атомные станции должны быть закрыты, строительство новых должно быть прекращено. Добиться этого должны мы все - экологические и профсоюзные активисты, рабочие и студенты, домохозяйки и пенсионеры, военные и пацифисты.

В противном случае детей лучше не заводить - все равно их ждет мучительная радиактивная смерть, либо тяжелые генетические мутации и вырождение.

Вот так просто обстоит дело.

Влад ТУПИКИН,
Киев-Москва
(фото автора)

БУЛЬВАРНЫЙ И ДОЖДЛИВЫЙ ПЕРВОМАЙ

Этот Первомай жители Москвы встречали по-разному. Телевидение объяснило нам, что все приличные люди отправились вскапывать свои огороды или, на худой конец, приветствовать радостными воплями Ельцина на верноподданическом митинге якобы профсоюзов. Все неприличные люди в это время участвовали в "красно-коричневом" шествии. Первое Мая - хороший повод для предвыборных гуляний.

Однако, нашлись и третьи москвичи. Дождь, который лил почти непрерывно, не остановил их в желании собраться на Тверском бульваре возле памятников Сергею Есенину, двум безымянным павлинам и одному Пегасу. Здесь развевались аж четыре анархических стяга и еще один флаг восточно-тиморского сопротивления (и не случайно - ведь день международной солидарности).

Накануне в разных точках Москвы появились листовки, призывавшие прийти на "фестиваль раскрепощенной мысли против капитала, против власти, против фашизма, против войны". Устроили "фестиваль", как значилось в листовке, следующие организации: анархо-синдикалистский профсоюз "Воля", Клуб активных непартийных, "Хранители Радуги", клуб "Балаклава", Русская секция Последнего Интернационала, издательство "Вуглускр", Антифашистская ассоциация "Гитлер Капут", Общество самосознания пролетариата им.Кришны, группа им.Алексея Борового, Танцевальная бригада им.Эммы Гольдман, Единый блок левых организаций, Комитет действия "Бассейн Москва", Всероссийский комитет поповрасстриг им.Глеба Якунина. Вот как нас было много! Какие из перечисленных организаций - мифические, какие - полумифические, а какие полуреальные, - пусть угадает читатель.

Из-за дождя вокруг митинга возникло, в дополнение к перечисленным, еще одно движение - броуновское: люди подходили и уходили, но десятка четыре самоотверженных слушателей непрерывно присутствовали на месте действия. Плакаты и речи обличали власть и капитал, призывали к солидарности с чеченским сопротивлением, советовали перенимать передовой опыт Франции (где, как известно, недавно прокатилась очередная почти-революция)... Основной лейтмотив выступлений сводился к тому, что Первое Мая - не праздник весны и труда, не повод для пьянки и братания народа с власть имущими, как хотелось бы последним, - но День Борьбы, День Солидарности. Неоднократно поминались анархические, революционные корни этого дня, который Система хочет интегрировать и переварить, превратив в еще один "праздник".

Вслед за речами последовали стихи и песни: "Варшавянка" сменилась бардовским репертуаром, а затем выступила очен, молодежная и радикальная группа "Лисичкин Хлеб".

В общем, если небольшой анархический митинг явно уступал по численности первомайским предвыборным шоу так называемых "профсоюзов" и так называемых "коммунистов", то по атмосфере человечности и естественности он, вероятно, дал

им несколько очков вперед. Наряду с многошумными площадными Первомаями прорезался росток нашего бульварного Первомайчика.

Сравнивая данное мероприятие (которое, кстати, хоть и мельком, но показали вечером по всем программам ТВ, хотя оно делалось больше для себя, чем для "общества зрелища") с предыдущими, можно отметить определенный прогресс, по сравнению с прошлыми Первомаями. Тогда, как правило, небольшая кучка леваков шла в десяти метрах перед "красно-коричневой" (или наоборот, ФНПРовской) манифестацией и старалась диалектически сочетать несочетаемое: показать всему миру и самой себе, что она (кучка леваков) к данному шествию не имеет ровным счетом никакого отношения и является "независимой" и, одновременно, данное шествие возглавляет. В этом году проведение собственного, действительно независимого от других, хотя и скромного по масштабам, митинга (куда, однако, собрались не только анархисты, но и народники, троцкисты, участники Левого исторического клуба, "зеленые" и другие, кому было противно участвовать в митингах Зюганова и Ельцина), как мне кажется, было некоторым шагом вперед. Да и площадка возле памятника Есенину - место довольно уютное и приятное, на ней небольшая группа митингующих не смотрится так глупо и жалко, как например, в Лужниках (куда раньше отправляли всех желающих воспользоваться свободой собраний). Можно продолжать здесь и дальше собираться. Тем более, что Есенин явно имеет к революционному движению в России прямое отношение: достаточно вспомнить, что он участвовал в левоэсеровской боевой дружине и написал драму "Пугачев", во многом вдохновленную антоновским восстанием.

В общем, первомайская Москва, наряду с опостылевшими "партией власти" и "партией оппозиции", узрела на этот раз и третьих... "Третьей силой" назвать митингующих на Тверском, пока, конечно, нельзя. Один из выступавших на митинге посетовал, что сегодня левые радикалы - явно маргиналы, находящиеся на обочине общественного движения в России. "Но, - добавил он, - хочется верить, что мы - тот маленький муравей, который имеет большее будущее, чем огромная загнивающая туша издохшей лошади нынешних политических массовок и спектаклей".

Петр РЯБОВ

СТРАННЫЕ АНТИФАШИСТЫ, БАТЕНЬКА, В НАШЕМ ГОРОДЕ

1 мая в Москве под эгидой молодежного центра им.Джерри Рубина и троцкистов из КРДМС(м) прошел рок-концерт "Фашистов и буржуев на..." (Для несведущих читателей сообщаем, что есть еще и КРДМС(б), но буквы в скобках означают разделение не на большевиков и меньшевиков, а всего лишь между сторонниками пробританской тенденции "Милитант" и адептами Сергея Биеца.) Мероприятие было в высшей степени странным, поскольку деньги давали троцкисты, а организаторы концерта как-то старались обходить их стороной, вроде как не имея к ним никакого отношения. Группы и исполнители, приглашенные на концерт, о фашизме и антифашизме имели довольно расплывчатые представления и пришли в основном поиграть. Слушатели, само собой, пришли в основном послушать музыку и оттянуться, хотя есть надежда, что приобретенная во время концерта радикальная и антифашистская литература кого-то на что-нибудь подвигнет. Тяжело пришлось анархистам, которых администрация ДК и устроители мероприятия постоянно призывали снять "политическую агитацию" (против выборов). В ответ на наши заявления о том, что этот концерт в частности и антифашизм вообще - это политика, нам отвечали, что они не хотят иметь неприятностей. Другой странной особенностью этого концерта было то, что в попытке притянуть в свою беспонтовую организацию хоть какую-нибудь молодежь "милитанты" принимали с распростертыми объятиями всех, в том числе члена Национал-большевистской партии, известного проходимца Цветкова, который всего за 20 дней до концерта выступал с прочувствованными речами на митинге неофашистов. На сигнал доброжелателя-антифашиста "милитанты" не прореагировали, что говорит о том, что для них приоритетом является вовсе не антифашизм или какие-либо другие политические моменты, а стремление создать видимость массовой организации.

Короче, группы выступали, народ тусовался и плясал, "милитанты" гордо раздували щеки, а урлового вида секьюрити (мало чем отличающиеся от фашистов) делали свое дело. Грустно все это. Когда же придет настоящий день и в России появятся настоящие антифашисты, которые в отличие от демшизы, вроде Прошечкина, предпочитают бороться не с призраком коммунизма, а с реальным фашизмом, который все чаще показывает свое уродливое лицо?

Михаил ЦОВМА

ПЕРВОМАЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ...

В Санкт-Петербурге активисты Питерской лиги анархистов, которые предварительно запаслись несколькими тысячами листовок весьма боевого содержания, лихо вклинились в коммунистический митинг. К сожалению их флаг и мегафон еще с прошлой антивоенной акции находятся под арестом в ментовке, но внимание населения и ТВ привлечь удалось.

Федерация анархистов Краснодара провела под антивоенными и антикапиталистическими лозунгами демонстрацию, к которой примкнуло около 40 человек. ФАКовцы посетили также коммунистический митинг, где попытались промыть мозги государственникам, распространяя анархистскую и синдикалистскую литературу. Реакция "красных", впрочем, была, скорее, вялая. Не смутившись этим, анархисты завершили день радостным гулянием по центру города.

В Липецке анархисты явились посмотреть на коммунистические потуги, но обнаружили столь унылое сборище, что решили устроить несанкционированную альтернативную демонстрацию. Завидев черный флаг, многие подходили и живо интересовались анархией; симпатизирующим вручалась литература.

Вадим ДАМЬЕ

...И НЕ ТОЛЬКО ПО НАШЕЙ

В Белоруссии активисты Гомельской организации Конфедерации революционных анархо-синдикалистов поставили в центре города пикет под черно-красным флагом. Довольно скоро он был "свинчен", но на этот раз новоявленные жандармы старались вести себя корректно. В прошлом году за зверское нападение на первомайский митинг их основательно "протащили" в суде, позора было на всю республику.

ВЫШЕ ЗНАМЯ БАКУНИЗМА!

28 мая в Москве в помещении Исторической библиотеки прошли Бакунинские чтения, приуроченные к очередному дню рождения Михаила Александровича. На них с докладами и сообщениями выступили историки и бывшие анархисты: А.В.Шубин, В.В.Кривенький, В.Ф.Антонов. К сожалению, число участников заседания было крайне невелико, что еще раз говорит о необходимости более организованно и целенаправлено вести деятельность по изучению и пропаганде идей Бакунина. Заинтересованные в этом читатели "Наперекора" могут обращаться в редакцию.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Продолжает активную деятельность Федерация анархистов Краснодара, недавно отметившая свою первую годовщину. За это время краснодарские анархисты не только смогли наладить регулярный выпуск боевого листка "Автоном", но и занимались поиском единомышленников в своем регионе. В результате на прошедшем 24-25 мая съезде анархистов Кубани присутствовали также товарищи из Новокубанска, Армавира и поселка Афинского. Решено издавать внутриФАКовский информбюллетень "Борьба продолжается".

5 июня в Краснодаре прошел пикет у здания городской администрации. Поднимались темы борьбы против войны в Чечне, гуманного отношения людей друг к другу и к животным. Анархисты и экологи протестовали против продолжения использования душегубок для уничтожения бездомных животных, выступали за более гуманное отношение к ним. К пикету, в котором помимо анархистов приняли участие клуб защиты животных и местное отделение Социально-экологического союза, были подготовлены большая стенгазета и виселица (видимо для местных бюрократов-душегубов), двое экологов были одеты в саваны.

8 июня на центральной площади города, там где в последнее время проходили предвыборные акции в рамках кампании "Голосуй-не голосуй, все равно получишь Ельцина" прошел еще один анархо-пикет. Анархисты призывали бойкотировать выборы, распространяли листовки и газеты.

По сообщениям Дмитрия РЯБИНИНА

"ХРАНИТЕЛИ РАДУГИ" ПРОТИВ: НОВОГО ЛЕСНОГО КОДЕКСА

4 июня "Хранители Радуги" пикетировали в Москве здание ГосДумы, протестуя против принятия варварского "Лесного Кодекса". Суть изменений в "Лесной Кодекс" состоит в том, что Федеральная служба лесного хозяйства, призванная охранять леса, сама приобретает права лесозаготовителя, способного вырубать деревья даже на заповедных территориях и без уплаты налогов. Кроме того, в проекте Кодекса содержатся положения, позволяющие приватизировать лес. К чему это приведет в наше время первоначального накопления - понятно. Более того, процесс сведения лесов на нет будет засекречен: доступ к подробной информации о состоянии лесов России по новому Кодексу собираются закрыть. Центр охраны дикой природы вел лоббистскую деятельность с отдельными депутатами, а когда Кодекс все-таки поставили в план принятия на 5 июня, обратился к "Хранителям Радуги".

Радикальные элементы заготовили два двадцатиметровой длины плаката, один из которых ("Нет новому "Лесному Кодексу!") разместили на крыше дома, стоящего напротив Думы, а второй ("Лес рук за Кодекс будет последним лесом!") - у ее подъезда. Пока думская, обычная и муниципальная милиции судили-рядили, кому из них забирать молодежь в участок, "Хранители Радуги" продержались около часа и дали интервью четырем каналам ТВ (МТК, 2х2, ГКТ и НТВ). В конце концов в 108-е отделение милиции были привезены участники акции. Гр. Воробьев и В.Тупикин были осуждены к штрафу в 100 тыс. руб., остальные получили предупреждения.

Рассмотрение же кодекса было отложено до 7-го июня. 7-го его отложили еще на неделю, создав согласительную комиссию с более или менее приемлемым и вменяемым составом. Так что, можно сказать, пикетировали "Хранители Радуги" не зря. В связи с выборами принятие бумаги было впоследствии снова отложено и теперь экологическая общественность получила небольшую передышку для занятия другими проблемами.

Влад ТУПИКИН

ЗА ОДИН ПАТРОН САЖАЮТ ТОЛЬКО ЧЕЧЕНЦЕВ

В этом группа членов Демократического Союза убедилась экспериментально. 10 июня в Москве на площади перед мэрией был проведен пикет в защиту Ислама Гашаева, чеченца, осужденного за 1 патрон на 3 года лишения свободы. Организаторы пикета не сомневаются, что причина такого абсурдного приговора - национальность осужденного. Если судить по царящим в правоохранительных органах и судопроизводстве порядкам, принадлежность к чеченскому народу уже является составом преступления.

В продолжение всей акции четыре ее участника держали вместе с плакатами еще и по одному патрону от мелкокалиберной винтовки (напомним, что мелкокалиберная винтовка является нарезным оружием и хранение патронов от нее подпадает под ст.218 УК о незаконном хранении оружия). Однако милиция, подъехавшая, чтобы свинтить пикетчиков, не обратила никакого внимания на патроны. Столь же равнодушны остались к ним и сотрудники 108 отделения милиции, куда доставили задержанных. Вооруженные патронами ДСовцы поехали на утро в суд, где получили свои штрафы за несанкционированное пикетирование. Против Григория Воробева действительно возбудили дело, но не по 218-й статье,а по 200-й прим. (неоднократное нарушение порядка проведения митингов и пикетов.)

Спрашивается: если закон имеет всеобщий характер, чем объяснить такое усердие милиции и суда в деле Ислама Гашаева и такое пренебрежение к участникам пикета? Объяснение одно - паническая боязнь чечнского терроризма со стороны власть предержащих, ибо знает кошка чье мясо съела. Видя в каждом чеченце потенциального врага, власть тем самым расписывается в том, что ведет войну не с отдельными "бандитами" и "сепаратистами", а с целым народом. Акция с патронами в очередной раз доказала, что в этой стране преследуют людей по национальному признаку.

Анастасия ДРОЗДОВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Если вам не нравятся новости в газетах выйдите на улицу и сделайте свои. Если вам не нравятся новости, о которых сообщает "Наперекор", - присылайте нам информацию о том, что происходит в вашем городе и регионе.

АНТИВОЕННАЯ КАМПАНИЯ: КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Карельский опыт

Несомненным является тот факт, что, действуя исключительно законными и легальными методами: через суды, петиции, парламенты, референдумы, - общественное движение не способно радикально повлиять на политику государства, тем более - в России. Широкий диапазон средств, выходящих за рамки "законопослушности": от мирного гражданского неповиновения до реализации народом своего права на восстание против тирании, безусловно, эффективнее воздействует на власть имущих, нежели игра по их правилам и на их "территории", там, где они могут сами зарегистрировать или не зарегистрировать то или иное общественное начинание, выполнить или не выполнить судебное решение, пересмотреть любой закон и проигнорировать любую петицию. И все же, как показывает опыт карельской антивоенной кампании, решительные и энергичные действия граждан, неожиданно для чиновников использующих те законы и права, которые всегда декларировались, но отродясь в России никем не использовались, способны дать какой-то результат. По нашему убеждению, этот результат не может быть очень уж значительным, и потому "законные" мероприятия всегда должны сопровождаться "внесистемными" действиями - от осуществления людьми своих прав явочным порядком до забастовок и акций прямого действия. Петиционные кампании, дебаты в парламентах, организация референдумов и прочее хороши не столько сами по себе, сколько в качестве средства для организации общественных сил и создания общественного мнения.

Карелия всегда считалась одним из самых глухих, тихих и "застойных" регионов России. И вот - умелые и решительные действия небольшой группы людей, не имеющих за спиной никаких финансовых и политических мафий и поставивших перед собой, казалось бы, невыполнимую задачу: разбудить общество, заставить власть считаться с людьми, поднять на уровне своей маленькой республики вопрос о прекращении позорной войны в Чечне - эти действия (к тому же заранее ограниченные чисто "законным" и "легальным" арсеналом средств, избранных организаторами кампании), привели если не к победе, то к ощутимому результату. Тысячи жителей Карелии, быть может, впервые оказались перед необходимостью определить и высказать свое мнение по чеченскому вопросу, десятки и сотни приняли активное участие в сборе подписей, республиканская печать была вынуждена начать обсуждение этой проблемы. Очевидно, что в Карелии условия для антивоенной кампании были ничуть не благоприятнее, чем где-либо еще, следовательно, - большую роль в ее успехе сыграл "субъективный фактор".

Мы считаем, что читателям нашего катализатора будет полезно познакомиться с опытом карельской антивоенной кампании. Мы не во всем разделяем методы, избранные ее организаторами, но мы уважаем их усилия, энергию и цели, поставленные ими перед собой, рассматривая их деятельность, как серьезную попытку прорвать заколдованный круг, в котором находится каждый гражданин России с его извечным риторическим вопросом: "А что я могу?"

Редакция "Наперекора"

Ниже мы приводим краткую хронику карельских событий, составленную одним из инициаторов антивоенной кампании Ириной Бондаренко.

15 февраля - две женщины обращаются за консультацией по вопросам альтернативной службы, одна из них подняла вопрос о том, что нужно что-то сделать, чтобы прекратить боевые действия в Чечне. Сбор подписей признан неэффективным средством и решено попытаться организовать республиканский (общекарельский) референдум о немедленном выводе российских войск и немедленном прекращении боевых действий.

20 февраля - образование инициативной группы из пяти человек (люди разных убеждений, входящие и не входящие в различные организации). Решено, что группа не будет входить ни в какие общественно-политические объединения.

27 февраля - формулирование 3 вопросов, один из которых был снят нами, второй - Конституционным комитетом палаты представителей Законодательного Собрания Республики Карелия. Предлагаемый на референдум вопрос звучал так: "Согласны ли вы с требованием немедленного прекращения боевых действий и немедленного вывода российских войск с территории Чеченской Республики (Ичкерии)?" Первые попытки связаться с различными районами Карелии.

27 февраля - принятие обращения инициативной группы; начало работы со СМИ (впрочем, оказавшейся недостаточно эффективной), первые звонки людей, желающих собирать подписи по месту работы, учебы или жительства.

5 марта - инициативная группа разрабатывает первый вариант подписного листа, в различных средствах массовой информации появляются первые заметки и выступления членов инициативной группы.

14 марта - подача заявления о регистрации инициативной группы по сбору подписей за проведение республиканского референдума.

28 марта - ответ председателя Палаты представителей Пивненко о том, что вопрос о регистрации инициативной группы будет рассмотрен на ближайшем заседании Палаты представителей в апреле.

29 марта - газета "Северный курьер" публикует сообщение о назначенном на 17 апреля заседании Палаты представителей. В повестке дня заседания вопрос о регистрации инициативной группы не значится.

2 апреля - члены инициативной группы обжалуют действия Пивненко в соответствии с законом "О референдуме в Республике Карелия", в котором говорится, что группа должна быть зарегистрирована или ей может быть отказано в регистрации в двухнедельный срок со дня подачи заявления.

6 апреля - Верховный Суд РК отказал в рассмотрении жалобы, посоветовав обратиться в петрозаводский горнарсуд.

6-16 апреля - изготовление информацмионных стендов (статьи о событиях в Чечне из "Экспресс-Хроники", "Общей газеты", "Комсомольской правды"). Стенды размещаются в учебных заведениях, на предприятиях, в учреждениях, на улице. Новый всплеск активности населения, телефонные звонки из различных районов Карелии. Информация о том, что вопрос о регистрации инициативной группы все же будет рассматриваться в палате представителей.

середина апреля-май - все крупные предприятия - на каникулах, начинающийся дачный сезон затрудняет сбор подписей. Многие из ранее активных членов инициативной группы отходят от активной работы из-за бюрократической волокиты в органах власти. СМИ дают только свои информационные сообщения о деятельности группы; обращение инициативной группы не давалось в полном объеме ни разу.

17 апреля - заседание Палаты представителей Законодательного собрания РК. Заключение юридического отдела ЗС: в регистрации отказать, так как вопрос, вносимый инициативной группой, относится к обороне и безопасности, то есть по Конституции РФ относится к ведению РФ и не может быть вынесен на общекарельский референдум.

Аргументы инициативной группы таковы: ситуация в Чечне не относится к вопросам обороны, так как на Россию никто не нападал, а Чечня с точки зрения федеральных властей не является иностранным государством. Понятие безопасности включает в себя в качестве необходимого элемента защиту прав и свобод граждан, которые как раз и нарушаются в Чечне. Таким образом, это вопрос относится к совместному ведению РФ и субъектов федерации.

Конституционный комитет Палаты представителей, возглавляемый мэром Петрозаводска, рекомендует Палате представителей отказать инициативной группе в регистрации, но депутаты принимают решение о регистрации инициативной группы.

23 апреля - инициативная группа получает регистрационное свидетельство. Начинается сбор подписей. По закону для проведения референдума в течение месяца со дня выдачи свидетельства группа должна собрать 25 тысяч подписей. различные государственные и негосударственные регистрации помогают бесплатно размножить подписные листы. Во все районы Карелии направлены бланки подписных листов вместе с памятками по проведению сбора подписей и обращениями инициативной группы.

В некоторых организациях администрация пытается блокировать проведение сбора подписей. В газете "Северный курьер" появляется ряд статей, дискредитирующих идею проведения референдума. Основные аргументы продажных СМИ: члены инициативной группы используют чувства тех, кто потерял своих сыновей в Чечне, у них нет юридически обоснованных аргументов, референдум ничего не даст на его проведение потребуется от 700 млн. до 4 млрд.рублей.

Аргументы членов инициативной группы: референдум - высшая форма народного волеизъявления, решения, принятые на референдуме обладают высшей юридической силой, ни в чьем утверждении не нуждаются и обязательны для органов власти. В случае, если народ Карелии согласится с требованиями, вынесенными на референдум, то у власти есть 3 способа выполнения решения референдума: прекращение финансирования убийства мирных жителей, отказ направлять солдат и офицеров за пределы Республики Карелия, запрет сотрудникам МВД отправляться в Чечню.

Опровержение, написанное активистами инициативной группы, опубликовано в "Северном курьере" в искаженном виде. СМИ начинают урезать даже информационные сообщения инициативной группы.

18 мая - члены инициативной группы получают повестки в верховный Суд РК по заявлению прокурора РК о незаконности регистрации инициативной группы. Аргумент прокурора: Палата представителей не имеет права регистрировать инициативную группу, ее может зарегистрировать лишь Президиум Верховного Совета (который не существует уже несколько лет!). К тому же, по мнению прокурора, выносимый на референдум вопрос относится к ведению РФ, так как ввод войск в Чечню - мера, направленная на защиту конституционного строя, общественного порядка и прав граждан.

19 мая - члены инициативной группы приостанавливают сбор подписей.

20-21 мая - СМИ сообщают о приостановке сбора подписей.

22 мая - членам инициативной группы заявляют, что избирком не будет принимать собранные подписи, так как ему этого никто не поручал и все разговоры на эту тему могут вестись только после вынесения решения суда.

23 мая - Верховный Суд РК рассматривает заявление прокурора о незаконности регистрации инициативной группы. Прокурор просит признать, что решение Палаты представителей не имеет никаких правовых последствий.

27 мая - члены инициативной группы предъявляют иск к газете "Северный курьер" о защите чести и достоинства

июнь - инициативная группа собирает подписные листы, через СМИ обращается к гражданам Карелии по нескольким вопросам. Она сообщает, что, во-первых, в Верховный Суд РФ подана жалоба на решение Верховного Суда Республики Карелия, во-вторых, сбор подписей приостановлен, но ранее собранные подписи действительны, и призывает сдавать заполненные подписные листы, в-третьих, обещает защиту и помощь тем активистам подписной кампании, у которых возникли неприятности в связи с их позицией по референдуму.

12 июня - сборание сборщиков подписей фактически не состоялось по причине дачного сезона (из 185 сборщиков пришли только 5).

Хотя жалоба на решение Верховного суда Республики Карелия была подана 3 июня, но и 20 июня она еще не была отправлена в Москву. После вынесения решения Верховного Суда РФ инициативная группа планирует провести в Петрозаводске массовую акцию, посвященную чеченской проблеме. Борьба продолжается!

НА ХРЕНА НАМ ВОЙНА ?! ПОШЛА ОНА НА....

АВТОНОМЫ: СИЛА И СЛАБОСТЬ

Михаил МАГИД

Берлин - город контрастов. Когда я собирался писать о своих впечатлениях от поездки в Германию, я долго размышлял над тем, как мне начать. И решил сделать это таким вот образом. Но, как ни банально это звучит, а действительности соответствует. Берлин - странный город. Вот старые постройки XIX века, вот совковые уродливые коробки Восточного Берлина, пустошь (здесь когда-то была Стена), упакованный в стекло и бетон Западный Берлин - вставная челюсть, "витрина западного мира". Острова разных эпох, разные архитектурные стили...

Берлин - город тусовок. Сотни кафе, почти в каждом свой контингент, все что душе твоей угодно есть в Берлине. В этом кафе собираются панки, здесь - хипы, там - активисты партии зеленых. А вот здесь - турецкие маоисты, лесбиянки, курдские эмигранты из Ирака. Выбирай на вкус.

Много можно было бы еще рассказать, но мне все же хотелось написать не столько о Берлине вообще, сколько о той тусовке, которая нас в Германию пригласила, об автономах.

* * *

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что Берлин для российских левых радикалов давно уже сделался тем, чем Мекка является для мусульман, а Иерусалим для евреев. Ничего удивительного в этом нет: Германия - ближайшая к нам страна Запада, в которой имеет место быть сильное леворадикальное движение. Невольно напрашиваются некоторые параллели с ситуацией начала века: русские эсдеки смотрели тогда на СДПГ как на образец для подражания. Впрочем, мы не эсдеки, это во-первых, а во-вторых, мы не призываем подражать во всем автономам, несмотря на более чем высокую в целом оценку их деятельности.

Но все по порядку, и сначала немного истории. Автономистское движение, вообще говоря, родилось в Италии в 70-е годы. Итальянская "Аутономия операйя" - "Рабочая автономия" появилась на свет благодаря двум процессам: сильным молодежным (студенческим) протестам под леворадикальными лозунгами и мощному альтернативному рабочему движению (в 70-е годы на многих крупных предприятиях Италии возникли рабочие советы, не интегрированные в существовавшие профсоюзы и выдвигавшие, наряду с социальными требованиями, идею перехода этих предприятий к самоуправлению). Рабочая автономия - молодежное движение, тесно связанное с фабрично-заводским пролетариатом - было, несмотря на несомненные либертарные, анархические моменты, марксистско-ленинским по идеологии и, вследствие этого, авторитарным по духу. Увы, итальянская компартия в это время пользовалась громадной популярностью, была ведущей левой группировкой в стране: представить себе рабочее движение без коммунистов было невозможно. Не избежали коммунистического влияния и итальянские автономы.

Иное дело - автономы немецкие. Хотя их движение и возникло вначале благодаря итальянскому опыту, так сказать, в подражание операистам, но опиралось на совершенно иные традиции. Это, в первую очередь, конечно, левацкие молодежные бунты, студенческие выступления. Но нужно иметь в виду, что на немецких автономов огромное впечатление произвело социально-экологическое движение 70-х.

О немецких зеленых в российской радикальной прессе уже писали (см., например, "Свободное слово", N3, 1995 г.). Напомню лишь, что во второй половине 70-х гг. в Германии сложилось мощное экологическое движение. В нем принимало участие несколько миллионов человек, объединенных в тысячи гражданских инициатив. В повседневную жизнь вошли многотысячные марши протеста, столкновения с полицией. Впрочем, хотя острие движения было направлено против строительства ядерных объектов, такого рода деятельность не была единственной формой активности. Так, в системе альтернативной кооперации, созданной в рамках движения гражданских инициатив, работало от 100 до 300 тысяч человек.

Зеленое движение в то время строилось по либертарным принципам, как сеть независимых групп, без жесткого фиксированного членства, без руководящего центра (существовавшие центры выполняли скорее функции информационного обмена и координации, нежели функции управления). Гражданские инициативы отвергли в собственных структурах нормы и принципы представительной демократии, орудия Системы. Они строились на принципах самоуправления и стремления к консенсусу, уважения прав меньшинства.

Немецкие автономы, принимавшие в движении активное участие, восприняли многие его идеи. Все это привело к тому, что сегодня они выгодно отличаются от своих итальянских коллег, - они гораздо менее авторитарны.

Некоторые наши левые полагают, что для современного анархизма необходим радикальный разрыв с рабочим классом, ибо этот общественный класс давно утратил свое внесистемное значение, интегрировался в капиталистическую систему, перестал осознавать себя самостоятельной силой. Отсюда вывод - надо ориентироваться исключительно на социально-экологические движения. Часто в качестве примера, подтверждающего данные утверждения, ссылаются на немецких автономов, якобы сделавших сознательный выбор в пользу такого рода решений.

Полагаю, что это не соответствует действительности. Может быть, часть автономов так думает, но далеко не все. Просто в Германии в послевоенные годы не было сильных и организованных рабочих выступлений (как в Италии или, скажем, во Франции). Немецкие автономы связаны с другой традицией, но это не значит что они негативно относились бы к рабочему движению, если бы такое движение в Германии появилось. Автор этих строк может засвидетельствовать: рассказ о декабрьских забастовках во Франции вызвал огромный интерес на последнем конгрессе, организованном автономами. На нашей восточно-европейской секции тоже немало говорилось о возможностях радикализации рабочих протестов, и такая постановка вопроса встретила понимание у немецких товарищей.

Надо сказать, что в современной Германии нет не только сильных рабочих инициатив, но сильных социальных движений вообще (может быть, исключением является движение протеста против захоронения радиактивных отходов в Горлебене). Это привело к тому, что автономы замкнулись в себе, образовав своего рода гетто. Некоторые считают, что причины этого в самих автономах, что они сами недостаточно активны. С другой стороны, не совсем понятно, в чем участвовать, если никаких движений нет. Нельзя же их высосать из пальца. Общество пассивно , - что же могут сделать несколько тысяч левых радикалов?

Как бы там ни было, автономы, несмотря на стагнацию, по-прежнему сильны - только в Берлине во время последней первомайской демонстрации им удалось вывести на улицы 12 тысяч человек.

Автономное движение располагает мощной разветвленной инфраструктурой. Многочисленные здания - легальные и захваченные (сквоты), альтернативные кафе и библиотеки, альтернативные журналы и газеты, собственное кино, альтернативные экономические проекты (кооперативы).

Но даже не это главное. В первый день нашего пребывания в Берлине нас пригласили в альтернативное кафе. Там показывали фильм, так сказать, киноотчет о деятельности левых радикалов, фильм, естественно, очень политизированный. Но мы увидели десятки молодых людей, кафе было забито до отказа. И мы поняли - здесь есть леворадикальная среда, не просто тусовка, как у нас, а среда, то есть определенная, хотя и незначительная часть общества автономам симпатизирует. И впоследствии это первое впечатление подтвердилось.

Что же представляют из себя автономы? К сожалению, в нашей стране, прежде всего благодаря людям вроде Цветкова и Костенко, сложился определенный стереотип, стереотип в корне ошибочный. В своих идиотических статьях Д.Костенко утверждал примерно следующее: автономы - это что-то вроде панков, они много пьют и любят наркотики, постоянно дерутся с полицией. В этом и выражается их неприятие существующего строя. Дискутировать с другом Э.Лимонова и товарищем В.Анпилова мы не собираемся, но увы, среди наших анархистов немало тех, кто принимает всерьез весь этот бред, не представляя себе реальности.

А вот в реальности автономы выглядят совершенно иначе. Социологических исследований мы не проводили, но несомненно то, что среди них значительную часть составляют представители интеллигенции, некоторые учатся в университетах, другие университеты уже закончили (в основном, гуманитарные факультеты) и работают по специальности. Есть даже точка зрения, что автономы - это фактически интеллигентское движение. Панков среди них много, но было бы большой ошибкой утверждать, что панки и автономы - это одно и то же.

Около двух лет назад между двумя этими самостоятельными движениями начались весьма существенные разногласия и конфликты. Выглядело это примерно так: автономы и панки вместе захватывают здание, то есть устраивают сквот. Дальше начинается совместная жизнь, впрочем, продолжается она недолго: панки (а не автономы) постоянно пьянствуют, конфликтуют, дерутся друг с другом и в конце концов автономы вынуждены указать им на дверь.

Средний возраст у автономов примерно от 20 до 30 лет. Но вообще к ним в последнее время приходит мало молодых людей. Молодежь идет почти исключительно в группы "антифа" (антифашистские инициативы) и то в небольшом количестве.

По поводу уличных столкновений (стритфайта): есть те, кто это дело любит, другие - нет. Все очень индивидуально. На одной из демонстраций мы видели большую группу стритфайтеров "антифа"; все в черном, лица закрыты капюшонами, они образовали каре и шли в голове колонны, защищая ее от провокаций со стороны полиции. Впрочем, в конце концов стритфайтеры повели себя агрессивно, - дело в том, что в Берлин в это время прибыла большая делегация НАТОвских чиновников. Их автомобильный кортеж был атакован автономами, забросан камнями.

Автономы живут либо в захваченных зданиях (сквотах), либо - чаще - снимают жилплощадь. Например, здание в котором мы жили, никогда сквотом не было, оно вполне легальное.

Базовой структурой (если так можно выразиться), основой движения являются сообщества (гемайншафт). Это группы близких друг к другу по духу, приятных друг другу людей. Сообщество, которое пригласило нас, состоит из 10-15 человек и занимает пол-этажа в большом четырехэтажном здании бывшей фабрики. Фактически эти пол-этажа представляют из себя вполне благоустроенную квартиру - две гостиные, два санузла, общая плита и холодильники, по периметру помещения - жилые комнаты. Всего в здании живет более 50 человек в нескольких сообществах. Квартира напротив нас отдана под офис антирасистской инициативе.

Наличие общего быта не означает, что все средства, заработанные членами группы, сбрасываются в общий котел. Свою зарплату люди используют как хотят, тратят на себя. Только некоторая часть индивидуальных заработков используется для совместных закупок продуктов, необходимых вещей. Есть также общий банковский счет для финансирования тех или иных проектов (например, политических).

Что привело молодых людей, часто выходцев из вполне обеспеченных семей, к образу жизни, столь нетипичному для буржуазного общества? Думается, что тут был целый комплекс причин. Помимо общих взглядов, общей политической деятельности еще и потребность в живом человеческом общении, стремление преодолеть взаимное отчуждение, индивидуализм, атомизацию. Не последнюю роль сыграли и желание избавиться от опеки родителей, и возможность решить проблему жилья, равно как и некоторые другие экономические проблемы. Возможно, именно в этом причина жизнеспособности автономного движения, существующего уже около 20 лет.

Сообщество существует до тех пор, пока сохраняется личная симпатия между его членами. Этому способствует система базисной демократии, то есть решения, касающиеся всех, принимаются сообща, консенсусом. Но так дела обстоят далеко не всегда. Порой группа формируется не как союз равноправных личностей, а вокруг какой-нибудь одной личности, ее почитателями. И если личность властная, авторитарная, тогда ничего хорошего не выйдет. В любом случае, такому сообществу мы не позавидуем.

Во время нашего пребывания в Берлине автономы неоднократно задавали вопрос: а какую роль в вашей жизни играют все эти леворадикальные заморочки? Какую часть вашей жизни все это занимает? И вопрос был, в общем, не случаен. Он был связан с новым пониманием анархизма, характерным для левых 60-70-х годов, пониманием, прочно утвердившимся на сегодняшний день в их среде.

Старый анархизм жил мечтой о будущем справедливом устройстве человеческого общества - либертарном коммунизме. Повседневная деятельность понималась прежде всего как подготовка ко всеобщему вооруженному восстанию или захватной стачке на фабриках и заводах. После этого предполагалось, что трудящиеся возьмут заводы в самоуправление и построят новое общество - общество без власти, без принуждения, без эксплуатации. До вышеозначенного момента следует лишь участвовать в социальных протестах с целью их радикализации.

Однако анархисты и левые радикалы поколения 60-70-х взглянули на проблему иначе. Если ты хочешь строить новое неавторитарное общество - начинай с себя. Живи не мечтой о будущем, а работой в настоящем, строй свою жизнь по-новому сегодня и сейчас. С этой точки зрения единственная подлинная революция - революция повседневной жизни. И отсюда - сообщества, коммуны, кооперация, альтернативный образ жизни, в конечном счете. Такая позиция отнюдь не означает стремления к автаркии, замкнутости. Ведь если альтернативная среда не будет расширяться, она будет сжиматься под давлением буржуазного общества. Ибо такова судьба всех движений: либо они растут, либо умирают. Отсюда стремление автономов участвовать в различных гражданских инициативах, социальных протестах.

Кроме автономов в этой связи стоит упомянуть другую большую группу немецких левых - альтернативщиков. Последние стремятся не столько к участию в общественных процессах, сколько к обустройству собственной среды обитания. Они менее радикальны политически, зато больше преуспели в разного рода позитивных проектах, например, в кооперации. Некоторые группы анархистов пытаются синтезировать эти два подхода, то есть, с одной стороны, политический радикализм, участие в социальных протестах, с другой стороны - более высокий, чем у автономов уровень экономической кооперации, создание на базе сообщества с участием всех его членов кооперативных производств с тем, чтобы добиться максимальной независимости от существующего общества. Представляется, что такого рода синтез желателен и перспективен.

Для автономов вообще характерно стремление разрушить границу между личным и общественным, между политической деятельностью и частной жизнью. Но у такого подхода есть оборотная сторона. Во-первых, это зачастую приводит к политизации (и излишней, с моей точки зрения, политизации) такой тонкой сферы, как личные взаимоотношения. Во-вторых, между личностью и коллективом, даже если этот коллектив самый что ни на есть либертарный, должна существовать четкая граница, - в противном случае, это будет муравейник, где все и вся подчинено общим интересам. В сообществе, где жили мы в общем не ощущается какой-либо прессинг на личность со стороны коллектива. А в других сообществах? Наверное, где как. По крайней мере, проблема эта существует и недооценивать ее серьезность нельзя.

Существуют ли организационные структуры на уровне выше сообщества? И да, и нет. Разумеется, у автономов нет четкого фиксированного членства, они не организация, а именно движение. Более или менее регулярно проводятся пленумы с участием представителей различных групп и сообществ. В последние годы стали собираться общегерманские съезды. Разумеется, решения этих пленумов и съездов носят рекомендательный характер. Думается, что, если когда-нибудь возникнет "автономная партия", большинство групп ей не подчинится, - они для этого слишком независимы.

Здесь тоже свои плюсы и минусы. Далеко не всегда автономы способны действовать организованно и слаженно. С другой стороны, разногласия не приводят к организационным расколам. И главное - нет бюрократии, управленцев, все держится на неформальных отношениях, прочных личных связях. Хотя неформальный авторитет бывает иногда сильнее, чем формальный, а личные связи не устраняют возможность манипуляций.

Мне кажется важным отметить в этой связи одну парадоксальную черту автономного движения. Очень часто сила его оборачивается слабостью и наоборот. Чем-то автономы похожи на русских народников конца XIX века. Похоже, что одним из главных мотивов, движущих ими, является чувство вины. Чувство вины перед евреями и другими национальными меньшинствами (это легко объясняется историческим прошлым Германии), перед народами Третьего мира ("мы живем в богатой стране и во многом за их счет, а они в бедности"), перед сексуальными меньшинствами и женщинами. Не хочу давать оценку, просто констатирую факт. Без этого трудно понять автономов. Но вот то, что придает им силу, часто становится источником их слабости.

Например, отношение к национально-освободительным движениям. Немецкие левые радикалы поддерживали вьетконг-

говцев и сандинистов, проводили шумные кампании в поддержку марксистско-ленинских партизан Сальвадора, собирали деньги... То, что сразу же вызвало бы отвращение среди своих левых, то, что в самой Германии было бы объявлено авторитаризмом и национализмом, легко прощалось вьетнамским и сандинистским повстанцам. Такое некритическое отношение имело далеко идущие последствия, с успехом использовалось буржуазной прессой для нападок на автономное движение.

Из истории мы знаем, с какой легкостью народ, еще недавно бывший объектом преследований и дискриминации, получив новые возможности, сам превращается в преследователя. За примерами далеко ходить не надо: черный расизм набирает силу в Америке, сионизм явился причиной полувековой войны на Ближнем Востоке, исламский фундаментализм, поднявший знамя антиимпериалистической борьбы, выпавшее из рук арабских националистов, уже успел прославиться чудовищными террористическими актами. Но все это, по-видимому, не совсем понятно людям, испытывающим комплекс вины перед Третьим миром и готовым порой простить ему многое. Хотя, конечно, автономы не поддерживают ни сионистов, ни фундаменталистов.

Хотелось бы упомянуть в этой связи и немецкий радикальный феминизм, явление странное и двусмысленное. Представьте себе сцену: зал, огромное количество людей, десятки выступающих (мужчин и женщин). Вдруг кто-то поднимается с места: "Я женщина, цыганка, а на меня никто здесь не обращает внимания, никто не интересуется моими проблемами". Мгновение - и зал взрывается, женщины заявляют протест и покидают собрание, образуя собственную фракцию. Этот малопонятный постороннему наблюдателю, но, несомненно, безобразный инцидент произошел на конгрессе автономов в прошлом году.

А вот чему был свидетелем лично я. Опять-таки зал, полный людей, выступают мужчины и женщины, вдруг из президиума: "Мужчины говорят слишком много, требую предоставить слово женщинам". Минутное замешательство, среди женщин явно нет желающих выступить! Наконец кто-то поднимается и идет к микрофону.

Подобные инциденты производят тягостное впечатление. Не знаю, нужны ли тут комментарии. Очевидно, что женщин в последнем случае просто принуждали говорить их радикальные товарки, очевидно, что такой подход, такое поведение феминисток унижает не только мужчин, но (и прежде всего) самих женщин. Я лично не считаю, что женщины глупее меня. А коли так, то неприлично заниматься подсчетом (в процентах), сколько женщин выступило и сколько мужчин. Это все равно, что подсчитывать, представители каких национальных групп брали слово. И вообще, сколько в зале кого? Соблюдены ли процентные нормы?

Помню как на одном из наших московских собраний выступали три человека, в том числе автор этой статьи. Говорили долго, остальные присутствующие лишь изредка подавали реплики. Штука в том, что все трое были евреями, а остальные - русскими. Ну чем не еврейский заговор? А ведь именно заговор по логике феминисток.

Такое поведение было бы еще объяснимо, если бы мужчины-автономы позволяли себе хотя бы намеки на сексизм. Но дело как раз обстоит наоборот. Как сказала одна феминистка: "Для наших мужчин затрагивать женский вопрос - все равно, что брать в руки горячую картошку". Ни одной попытки дискриминировать женщин мы не видели. И, по-моему, немецкий радикальный феминизм сильно пахнет сексизмом наоборот, то есть женским сексизмом. Далеко не все автономистки придерживаются таких взглядов, но на них эта идеология оказывает большое влияние.

Но не хотелось бы, чтобы у читателей составилось негативное представление о наших немецких товарищах. Должен сказать, что поездка в Берлин была, наверное, одним из самых ярких впечатлений моей жизни. Вряд ли можно где-либо еще встретить в таком количестве умных, нестандартно мыслящих, наконец, просто приятных людей, как среди автономов. И дело тут отнюдь не в идеологии, просто для них характерно особое мироощущение, мироощущение субъективно приятное.

В заключение - следующий эпизод. За день до нашего отъезда намечалась вечеринка. Жители нашей квартиры готовились к ней тщательно: кто-то готовил еду, другие убирали помещение, третьи украшали его, и все это без какого-либо руководства. Каждый делал свою работу на своем месте и не было даже никаких "производственных совещаний", а результат получился тот, который устраивал всех. Кажется, на научном языке это называется "спонтанная координация снизу" или, если хотите, либертарный коммунизм.

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ НА СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ

Лора АКАЙ

Публикуемая в этом номере статья Михаила Магида о немецких автономах стала темой для продолжительной дискуссии в редакции нашего журнала. Несмотря на то, что она написана в стиле, который создает видимость относительной осведомленности об этой теме (скрывающейся за фразами типа "мне кажется" и "я думаю") и который является черно-белым (зачастую говоря об очень разнородных людях, как о ком-то, кого объединяют общие черты), я хотела бы поспорить с некоторыми предположениями и описаниями автора.

Автономы - это очень широкий термин, даже еще более широкий, чем анархизм, у которого существует бесчисленное множество интерпретаций. Это достаточно широкое общее название для описания левых (как авторитарных, так и антиавторитарных, но все же, в основном, последних), которых объединяет желание жить в городских коллективах и проводить радикальные акции и демонстрации. Это движение не родилось спонтанно после того, как был найдено подходящее название для него, напротив, название было наклеено на достаточно разнородное движение. Понятие "автономия" было достаточно популярным в 70-80-е годы и использовалось для описания совершенно различных движений во Франции, Португалии, Каталонии, Греции, Голландии, Дании, Соединенных Штатах... Нет сомнения в том, что итальянские автономисты вдохновили многих, но говорить о том, что немецкие автономы появились благодаря итальянским не совсем правильно, особенно если принять во внимание различия между ними. Этот феномен (немецкие автономы) родился из сотни различных факторов, слишком сложных для понимания тех, кто привык говорить о политике исключительно на популярном уровне.

Я наблюдала за немецкими автономами начиная примерно с 1979 года и жила среди родственного им американского движения на протяжении многих лет. (У нас тоже существует аналогичное движение, но без мифических пропорций немецких автономов, просто потому что Нью-Йорк в шесть раз больше и радикальное движением в нем более распылено). Впрочем, эти два движения, немецкое и американское, очень схожи и между ними существует регулярный обмен информацией, поэтому я думаю, что достаточно хорошо понимаю то, что происходит в Германии. Также не совсем правильно называть автономов социально-экологическим движением, только потому что немцы восприняли многие экологические ценности и реализуют их на практике. Экология - это лишь одно из направлений в автономном движении. Существует также большое количество политических вопросов, которые занимают автономов, особенно, если помнить, что общественное - это и есть политическое.

Многие автономы - по сути своей анархисты, хотя некоторые предпочитают себя так не называть (и напротив, среди анархистов много авторитарных задниц, что показывает, что слова иногда только запутывают). Автономы идут по стопам анархистов и социалистов, которые пытались создавать коммуны. Эти люди жили вместе, имели общее имущество, а иногда даже совместно работали, выпускали газеты и организовывали школы. Иногда эти коммуны создавались в городах, или даже в определенных районах городов. В начале века в Нью-Йорке, Берлине и Лондоне были радикальные кафе, полные людей - Троцкий мог принять рюмочку в одном, Эмма Гольдман - во втором, а Иоганн Мост - в третьем. Количество подобных мест и народа, который их посещает, может расти или падать (в данный момент оно падает), но это отнюдь не новая черта, появившаяся только в 1960-е годы. Но именно в 1950-60-е годы появились определенные исторические факторы, которые придали движению особую форму и размах.

Во-первых, послевоенное благополучие в Америке и Германии и последовавший за ним спад в 70-80-е годы означал, что появилось определенное количество людей с университетским образованием, готовых порвать с прошлым своих отцов и дедов. Они не стали частью системы, как их родители. А когда вам нужна альтернатива, то она становится более привлекательной именно как образ жизни. Средства контрацепции и движение за освобождение женщин означали, что у женщин также появились возможности выбора в жизни, альтернативы трем К (Kirchen, Kinder, Kuchen - церковь, дети, кухня). Эти факторы сделали возможным появление нового движения именно в то время.

Из всех этих факторов одним из сильнейших было возникновение феминистского движения и принятие обществом в целом основополагающих феминистских ценностей. Не будет преувеличением сказать, что почти половину автономного движения составляют женщины (точно сказать трудно, поскольку на каких-то мероприятиях они составляют 40 процентов, на каких-то - 60). Некоторые женщины являются боевыми стритфайтерами, многие являются инициаторами различных проектов. К тому же было бы маловероятным, чтобы такое количество мужчин жило в коммунах, если бы там не было большого количества женщин. Почему? В коммунах всегда было очень много жен-

щин, даже если в политическом движении в целом они составляли незначительное меньшинство. Чисто мужских коммун очень немного (за исключением, может быть, гомосексуалистов). Если бы женщины были окончательно поглощены идеей семьи и не интересовались бы политикой, мужчины просто бы женились на них и никаких коммун не было бы. Мужчины бы просто собирались вечером поговорить о политике и забастовках, а дом было бы местом, не затронутым политикой.

Итак, основополагающие феминистские ценности - что женщина является равноправным человеком, не менее разумным, чем мужчины и потому вовсе не предрасположенной к тому, чтобы сидеть дома, шить и ухаживать за детьми, что у нее может быть активный интерес к общественным и политическим проблемам - все эти идеи сделали возможными значительные изменения в западном обществе на протяжении последних тридцати лет и позитивно повлияли на политические движения. Поэтому достаточно смешно, что Миша поднимает такой шум (больше в личных беседах, чем в статье) по поводу того, как глупы немецкие радикальные феминистки, и даже не упоминает о том, чего женщины добились в автономном движении и о чем безусловно должны знать женщины в России.

Мишу очень волнует опасность обратного сексизма и расизма и то, что феминистки используют свой статус угнетенных для получения привилегий. Конечно, нельзя сказать, что среди радикальных феминисток нет женщин, которые рассматривают всякого мужчину как потенциального насильника, или, что среди чернокожих нет людей, которые считают всех белых людей воплощением зла. Да, конечно, такие люди есть, и я встречала их в радикальном движении, в том числе, среди автономов. Они, безусловно, составляют меньшинство. Но когда кто-то задается вопросом, почему женщины так мало выступают на собраниях, - это не сексизм наоборот, а, скорее, попытка, пусть не очень удачная, бороться против сексизма.

Я много слышала об опасности обратной дискриминации. За последние 20 лет наиболее громкие голоса, кричавшие об этом, раздавались из рядов правых. В Америке некоторые либералы создали "программы поддержки" (affirmative action), когда они увидели, что 90 процентов высокоплачиваемых, преподавательских, научных и руководящих должностей занимают белые мужчины, что они получают больше мест в престижных университетах. Все это сложилось благодаря системе расизма и сексизма. "Программы поддержки" преполагают, что все государственные предприятия и учреждения принимают на работу определенный процент женщин и представителей меньшинств. И белые мужчины начали кричать, что это несправедливо по отношению к ним, что это дает женщинам и чернокожим привилегии. Какие привилегии, когда женщины на многих должностях по-прежнему получают от 60 до 80 процентов зарплаты мужчин, находящихся на таких же должностях, когда представители национальных меньшинств по-прежнему составляют большинство бедных и безработных!? Белые мужчины просто боятся потерять свои привилегии. Точно так же, как и богачи, которые не откажутся даже от незначительной части своего богатства, чтобы установить некое подобие социальной справедливости, те, кто пользуется привилегиями могут быть слепы, глухи и бессердечны. И когда белые мужчины теряют свой статус, они убивают иностранцев, борются за запрещение абортов и поджигают культурные центры черных общин с целью терроризировать людей, чью бедность их теперь заставляют разделить.

Мой опыт заставляет меня думать, что разговоры об обратной дискриминации обычно являются частью кампании по созданию атмосферы страха, направленной против феминистского движения и прав меньшинств.

Описанный в статье инцидент с женщиной-цыганкой вовсе не смешон и не непонятен. Женщина опиралась на два предположения, которые, безусловно, основывались на ее непосредственном жизненном опыте. Первое, что как на женщину, на нее обращают меньше внимания, и второе, что в качестве представителя национального меньшинства, к ней относятся иначе, чем к другим. Нам трудно судить, насколько обоснованны были ее подозрения в данной ситуации, но, скорее всего, причиной этого было то, что она чувствовала, что ее игнорируют. Для нее же было естественно предположить, что причиной этого является именно то, что она женщина и цыганка, именно потому, что именно в силу этих причин в других ситуациях на нее не обращают внимания.

То, что мужчинам в большинстве обществ уделяют больше внимания, чем женщинам, является научно установленным фактом. Это является установленным фактом потому что существует огромное количество (хотя, судя по всему, его тоже недостаточно) документов, описывающих исследования на эту тему. Взять к примеру исследования одной американской ученой, которая на протяжении нескольких лет посещала различные школы в различных районах страны. Хотя она посещала школы в различных районах страны, школы в бедных и богатых кварталах, религиозные и светские, одно было общим: в классах, где количество девочек и мальчиков было примерно равным, преподаватели уделяли больше времени мальчикам. Иногда от 80 до 90 процентов классного времени уделялось мальчикам. К чему я все это говорю? Например, когда мальчики и девочки поднимали руки в одно и то же время, вызывали прежде всего мальчиков, давая им шанс показать свои знания и получить похвалу, девочкам же предоставлялась возможность как много знают их одноклассники. Эта тенденция была описана не одним, а многими исследователями в разных странах. Каковы вероятные результаты этого? Это тоже изучалось. По мере того, как недостаточно агрессивные девочки игнорируются в повседневных ситуациях, их самооценка снижается и в результате они вообще теряют желание участвовать в дискуссиях. Они стесняются и боятся говорить, потому что опасаются, что их не будут слушать или что они скажут что-нибудь глупое, что их будут критиковать, потому что они девочки или просто потому, что у них недостаточно опыта участия в дискуссиях. Они недостаточно часто получают одобрение, когда они правильно отвечают на вопросы, у них нет опыта принятия решений в ситуации неудачи. Многие девочки выражают свои сомнения по поводу участия в дискуссиях, но лишь немногие осознают, что эти сомнения имеют своей основой половые стереотипы и дискриминацию.

Мы можем видеть непосредственные результаты этого наследия вокруг себя всякий раз, когда мы принимаем участие в дискуссии и видим, что, несмотря на присутствие большого количества женщин в аудитории, 90 процентов времени выступают мужчины. Я неоднократно была свидетелем этому на многих собраниях в Москве. Я могу заранее сказать, какова будет реакция Михаила Магида на мои замечания по этому поводу: никто не мешает им выступать на собраниях. Да, может быть никто и ничто кроме двадцатилетнего воспитания молчания. (Тот факт, что многие российские левые стараются казаться непререкаемыми авторитетами в том, о чем они говорят, приводит к интеллектуальному запугиванию, но наверное именно это, а не добровольное участие и сотрудничество всех является их целью.) Все это звучит достаточно наивно и сродни попыткам игнорировать реальные социальные условия, которые влияют на мир. Это все равно, что говорить, что чернокожие имеют одинаковые возможности в США по сравнению с белыми, и потому, если они бедные, то это их собственная вина. Эта идеология имеет тенденцию к тому чтобы принижать или вовсе игнорировать влияние постоянной дискриминации и возлагать пол-

ную ответственность за изменение ситуации на плечи тех, кто страдает от существующего положения вещей, не требуя, чтобы те, кто получает привилегии поступились ими. (В конце концов, тот, кто получает привилегии, не виноват, в том, что система выбрала именно его. Опять-таки, если только женщины должны стремиться революционным образом изменить ситуацию, то за что же их винить, когда они создают свои исключительно женские группы?

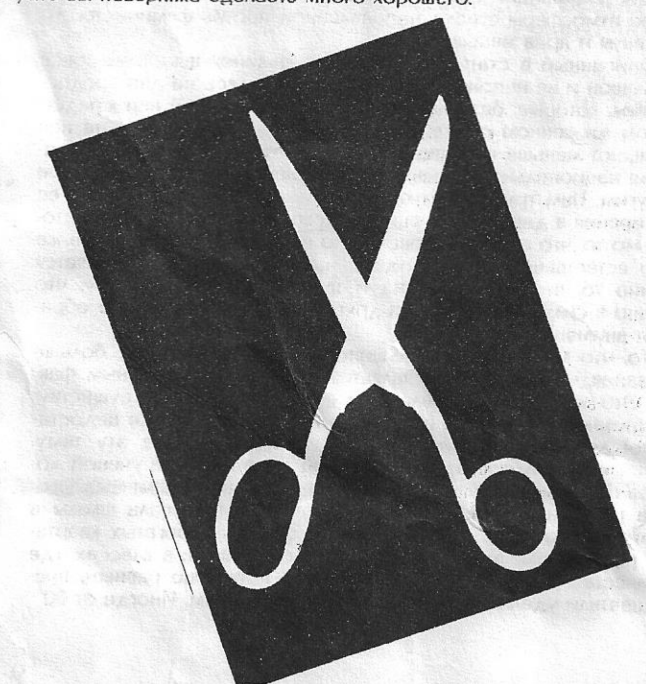
Что же касается проектов, в которых участвуют исключительно женщины, то в некоторых женских школах проводились исследования, которые показали, что в отсутствие ежедневной дискриминации, девочки во многих отношениях развивались лучше, чем их сверстницы в смешанных школах. Например, стандартизованные тесты по математике и точным наукам показали, что выпускницы из женских школ показывали гораздо более высокие результаты, чем выпускницы смешанных школ. Очевидно, что преподаватели работают, исходя из предположения, что мальчики "естественным образом" более склонны к точным наукам, чем девочки. Таким образом создается довольно некомфортная обстановка для девочек в смешанных классах. Некоторые скажут, что учителям надо просто внимательнее относится к девочкам в смешанных школах, но это легче сказать, чем сделать. Исследования и мой личный опыт работы преподавателем показывает, что, как только учитель начинает уделять равное внимание девочкам и мальчикам, мальчики замечают это изменение и начинают считать, что девочки получают больше внимания, что это внимание исключительное и незаслуженное. Исследователи даже отмечали случаи, когда мальчики заявляли об этом открыто. Когда дети еще слишком малы, чтобы высказывать свое мнение по этому поводу, мальчики стараются другими способами привлечь внимание учителя. По моим наблюдениям, некоторые мальчики уже в семилетнем возрасте считают себя центром вселенной, и это наблюдение может быть подтверждено дополнительно исследованиями о том, сколько времени родители мальчиков тратят на них. В общем, они тратят по крайней мере в два раза больше времени, чем родители, воспитывающие дочерей. Часто считается, что девочки намного спокойнее мальчиков, у них меньше шансов нарваться на неприятности и потому родители не уделяют им столько внимания, как мальчикам. Несмотря на то, что существует достаточно много исключений из этого правила (спокойные мальчики и шумные девочки), многочисленные исследования подтверждают, что в огромном большинстве случаев система формирует большинство детей именно таким образом. Но несмотря на эти данные научных исследований, многие люди не хотят знать об этом, не верят этому или, даже если верят, не могут изменить ситуацию. Итак, несмотря на то, что решение проблемы очевидно заключается в преодолении дискриминации, ситуация в этом отношении не может измениться быстро, ее изменение может продолжаться на протяжении жизни целых поколений, просто в силу того, что существование проблемы отрицается теми, кто находится в привилегированном положении и кому выгодна подобная ситуация.

Мне нетрудно понять, почему после многолетней борьбы против существования специальных женских учебных заведений (где женщин обучали отдельно, поскольку считали их менее разумными существами, чем мужчин), некоторые люди хотят, чтобы их дочери воспитывались в женских школах. Также можно понять почему в США растет число школ для чернокожих, после десятилетий борьбы за возможность для чернокожих детей учиться в школах вместе с другими детьми. Ведь другая действительно существующая проблема, о которой говорила женщина-цыганка, это расизм. Просто смешно говорить о том, что к людям с темным цветом кожи в белом мире относятся так же, как к остальным. Достаточно просто подумать о ситуации в Москве: у меня есть несколько знакомых, которые просто не могут выйти из дома без того, чтобы их по крайней мере 3 или 4 раза за день остановила милиция для проверки документов. Если вас останавливает милиция даже раз в месяц, это достаточно неприятно, что же и говорить о том, когда это происходит ежедневно, здесь, уж конечно, влияние подобной ситуации будет очень велико. У людей возникает чувство ненависти или комплекс преследования. В большинстве случаев общий поток дискриминации настолько силен, что становится очень трудно определить в конкретном случае, есть ли факт дискриминации. Например, если чернокожий хочет получить работу в крупной корпорации, он знает, что чернокожие люди очень незначительно представлены в подобных учреждениях, он проходит через офис, где 90 процентов сотрудников составляют белые и ему говорят, что он недостаточно квалифицирован для этой должности. Если он достаточно квалифицирован для выполнения этой работы, он может почувствовать, что стал жертвой дискриминации, потому что у него нет возможности узнать наверняка. Именно эта неопределенность заставляет людей смотреть на мир следующим образом: если я, как индивид, и все остальные представители меньшинств не можем быть уверены, что мы являемся жертвами дискриминации, то как мы вообще можем знать, что существует дискриминация? И все же мы уверены, что она существует. Таким образом, если мы знаем, что дискриминация существует более, чем в 50 процентах случаев, то вполне вероятно, что она имеет место по отношению ко мне в данный момент.

Есть также огромное количество документальных подтверждений того, что в обществе, где преимущественное положение занимают белые люди, люди с другим цветом кожи чаще сталкиваются с невниманием или негативным вниманием в различных повседневных ситуациях.

Неужели люди настолько хорошо способны разобраться в мотивах поведения других, что могут сделать это со стопроцентной уверенностью? Люди просто пытаются отгадать. Вполне возможно, что люди, с которыми мы сталкиваемся, говорят одно, но делают совершенно другое. Иногда мы ошибаемся. Меня не так часто обвиняли в том, что я расистка, но однажды это произошло. Один африканец, видимо, хотел завести со мной роман, но мне он был не интересен. Он считал, что это произошло потому, что он чернокожий, но на самом деле, просто не было того, что бы нас объединяло. Я объяснила причину, но он ответил, что, вероятно, это потому, что он чернокожий. Я сказала, что культурная общность в данном случае была важнее, чем раса и что у меня много чернокожих друзей в Америке. Возможно, что у меня были определенные культурные предпочтения, но уж никак не расовые. У нас вышел спор, но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что этот человек реагировал в соответствии со своим предыдущим опытом, когда он сталкивался с отказом, вызванным расизмом. Если я способна понять все это, я могу попытаться добиться взаимопонимания; если я не способна понять это, то никакого осмысленного диалога с чернокожим человеком по этому или каким-либо другим вопросам у меня не выйдет. (Именно поэтому Мише вряд ли удастся когда-либо завести серьезные отношения с немецкой или американской феминисткой.)

Принимая все это во внимание, женщина-цыганка решила, что ее не слушают на этом собрании политических активистов по тем же самым причинам, по которым ее игнорирует остальное общество. Так ли это трудно понять? Может быть, она ошибалась, может быть люди просто обращали больше внимания на тех, кого они знали по своей работе и жизни в радикальном гетто, а она не относилась к кругу этих людей. Может быть, некоторые люди были огорчены тем, что женщина не смогла правильно трактовать их поведение, что она не заметила, что они относятся к ней иначе, чем общество в целом (если они действительно относились к ней иначе), но я не думаю, что они не поняли, о чем она говорит. Может быть, люди действительно в некоторых случаях неправомерно обвиняют других людей в расизме, а те в ответ плохо реагируют, и что многие люди негативно реагируют на то, что им постоянно напоминают о расизме и сексизме (потому что, к сожалению, все это не меняется так быстро, как нам бы того хотелось и люди должны постоянно напоминать другим о необходимости изменений). Но все же среди немецких левых большинство понимает, как все это работает и они стараются влиять на эти проблемы, а не игнорировать их. (Именно поэтому, кстати, среди автономов нормальное количество женщин и они играют в движении столь активную роль.) Может быть, те, кто не понимает почему среди немецких левых так много людей, заинтересованных в немедленном изменении полового и расового баланса, должны просто пошире открыть глаза. Причина этого вовсе не в глупости немецких феминисток, а в желании людей добиваться изменений. А когда вы пытаетесь что-то изменить, вы можете совершать ошибки, но попутно вы наверняка сделаете много хорошего.

ПОЛИТИКА ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Интервью с берлинскими автономами Ханной и Бернардом

Ханна: Автономное движение не представляет собой какую-то партию с четкой идеологической линией, поэтому все, что мы будем говорить, будет личной позицией, в какой-то степени субъективной.
После Второй мировой войны и до 1968 года в Германии практически не было левого движения, и поэтому мы начинаем отсчет с 1968 года, когда возникло студенческое движение и многие молодые люди пошли в политику. Уже тогда присутствовал значительный антикапиталистический элемент. Кроме того, в это же время началось женское движение, точнее, его второй этап. Движение 1968 года в 70-е годы в значительной степени выродилось в различные марксистско-ленинские группы, и реального движения осталось достаточно мало. С другой стороны, появились люди, которые взяли на вооружение лозунг "Марш через институты власти". Эта фраза Руди Дучке трактовалась так: пойти в институты власти и оттуда что-то попытаться изменить в обществе. Об этих людях мы говорить не хотим, потому что левыми их не считаем.

- Какую роль играла РАФ (Фракции Красной Армии)?

Бернард: РАФ, как организация, - тоже одна из марксистско-ленинских организаций, но с марксистско-ленинскими партиями она ничего общего не имеет. РАФ возникла в 70-х годах и играет определенную роль в левой сцене, поскольку ее позиция в отношении вооруженной борьбы заставила все другие левые группировки как-то определиться в отношении этой проблемы, сформулировать свое отношение. Это вызвало определенную поляризацию среди левых. РАФ, как и другие вооруженные группы, считала, что необходимо перенести в метрополию борьбу, которую ведут народы Третьего мира. Их общая ошибка состояла в том, что реальной базы для вооруженной борьбы в метрополии не было.

- Существует ли РАФ сейчас?

Бернард: Да, но она сейчас раскололась, с момента ее возникновения это впервые произошло открыто. В последнее время одно из важнейших требований РАФ - это освобождение политзаключенных, членов РАФ, которые сидят в тюрьме. И в течении ряда лет новых акций почти не было, они происходили с большими перерывами в три-четыре года.
Потому, что автономное движение также хотело свержения системы, причем насильственным способом, но иначе, чем РАФ. РАФ представляла эту борьбу иерархически, и полемика с РАФ всегда имела для автономов большое значение.

Ханна: И кроме того, РАФ всегда воспринимала себя, как некий авангард революционного движения и вокруг нее вращалось движение солидарности с Третьим миром, антиимпериалистические группы и т.д. В прежнем виде их уже нет, но многие из них подались в автономное движение.
Автономное движение в активной форме возникло в конце 70-х--начале 80-х годов. Источниками этого движения было, во-первых, окружение "Движения 2-го июня" в Берлине. В противовес марксистско-ленинской сцене возникло движение "спонти" (спонтанеисты), в значительной степени анархическое, которое, в частности, участвовало в антиатомном движении. В этих сражениях и сформировалось автономное движение. Это была не какая-то абстрактная идея или теория, которую кинулись воплощать на практике, а были конкретные действия, которые потом получили какое-то название. Задним числом стали искать и аналоги, так, в частности, наткнулись на движение "Аутономия Операйя" в Италии.

Бернард: В Италии, в отличие от Германии в 70-е годы не было жесткого разрыва между рабочим и студенческим движением, они часто действовали вместе. И люди, которые в Германии приняли участие в автономном движении, расчитывали, что можно сделать и в Германии так же, как в Италии. Но фактически в Германии автономное движение осталось движением выходцев из буржуазной среды, средних классов. Связи с рабочим движением не было найдено.

Ханна: В начале восьмидесятых я была в Берлине, была свидетельницей и участницей движения, в этом было специфическое мироощущение. Было несколько тем. Одна из них - это международная солидарность, интернационализм, особенно в связи с тем, что в 1979 году произошла революция в Никарагуа. Следующим направлением было сквоттерское движение, связанное с тем, что в Берлине в то время - в конце 70-х-начале 80-х годов - оказалось огромное количество пустующих домов, которые должны были быть либо разрушены, либо перестроены и превращены в роскошные квартиры, в то время как большое количество людей оставалось фактически без жилья. Поэтому действия сквоттеров вызывали в то время большую симпатию среди граждан. В Западном Берлине было захвачено около ста домов, и во многих из них, таким образом, возникли пространства для социальных экспериментов. Эти эксперименты, эти свободные пространства оказывали определенное влияние и на общественный климат, на общество в целом.

- Сколько людей жило в сквотах?

Ханна: Точная цифра неизвестна, но это несколько тысяч человек. В начале 80-х годов ситуация в Берлине вокруг этих домов быстро обострялась, поскольку захваченных домов стало очень много, и государство не желало этого больше терпеть. Сквоттерское движение раскололось как бы на две части - одна часть считала, что нужно заключить договоры с властями и домовладельцами, чтобы попробовать спасти эти жизненные пространства, спасти свои проекты и эксперименты, другая часть считала, что ни на какие переговоры с властями идти нельзя, эта часть начала радикализоваться.
Одной из крупнейших акций того периода была демонстрация против визита Рейгана в Берлин, когда было заявлено, что мы весь город поднимем на уши. Акция была удачной, в некоторых случаях удалось выгнать полицейских за пределы Кройцберга.

Бернард: Подобными активными столкновениями с полицией, битьем витрин и т.д. пытались также оказать влияние на политиков, чтобы максимально затруднить властям очищение захваченных домов. Это была стратегико-политическая сторона воинственности того периода. Частично эта воинственность возникла из стремления удержать эти дома, а частично из радикального чувства протеста, то есть определенное панковское мироощущение повлияло на автономное движение, в том смысле, что ничего общего иметь с государством и системой не надо, с ними нужно воинственно бороться.
В 80-е годы основной вопрос был - позволим ли мы себя интегрировать в систему или нет? Тогда в Германии еще было у власти правительство эсдеков и либералов. Для радикальных левых в тот период было важнее бороться не с конкретным ухудшением в положении людей, как сейчас, например, а бороться именно против интеграции в систему. Как тогда казалось, система способна интегрировать все, что угодно (как, например, панковское движение) и необходимо этому сопротивляться.
Именно в это время возник этот знаменитый образ "черного блока" во время демонстарций - одетых в черное людей в масках, которые ищут столкновений с полицией, разбивают витрины и т.д. Это очень быстро превратилось в миф, который совершенно не обязательно в каждом случае имел отношение к действительности.

Ханна: Кроме того, это битье витрин имело далеко не всегда символический характер: при этом магазины разворовывались, все, что в них было, выносилось на улицу и раздавалось всем желающим. Демонстрация служила прикрытием для экспроприаций.

- Каково было отношение к "реальному социализму"?

Ханна: В принципе мы знали достаточно мало о том, что делается в Восточном блоке. Общее ощущение было такое - это нам не нравится, это государственно-монополистический капитализм. Но никаких больших дискуссий на эту тему не было, считалось, что если ты что-то активно говоришь против того, что делается в СССР, ты тем самым помогаешь капитализму и империализму.

Бернард: Главная тенденция заключалась в игнорировании так называемого "реального социализма". И поэтому, к сожалению, наше движение нельзя охарактеризовать как антисталинистское, мы тогда ничего не говорили конкретно против сталинизма. Но по основному содержанию и мотивам движения, оно было анархистским, и потому антисталинистским.
В автономном движении всегда имелись и до сих пор имеются группы, которые считают себя коммунистическими, но не партийно-коммунистическими, а автономно-коммунистическими. Но о движении в целом этого сказать нельзя, так как пробле-

ма утопии, того как должна выглядеть или как называться альтернатива капитализму - анархизм, коммунизм или что-то еще - эти проблемы не обсуждаются.

Ханна: Мы больше основывались на "анти" - антикапитализм, антиимпериализм и т.д., но что касается содержания, то тут характерна сама символика - черные и красные флаги, черные и красные звезды.

Бернард: Кроме того в начале 80-х годов отрицание системы доходило до того, что люди отказывались работать в рамках капиталистической системы и иногда даже пользоваться социальной системой, считая, что они могут жить на то, что приносят им их политика, их проекты. Например, распространялись брошюры о том, как нужно симулировать заболевания, чтобы не работать, получая при этом пособие.

Ханна: В тот момент это еще было "общество благосостояния", когда речь шла не о том, как бы из людей побольше выкачать, а о том, как интегрировать людей в систему посредством социальной политики. Тогда государственным лозунгом было социальное партнерство вместо классовой борьбы. Сейчас ситуация совершенно иная.

Кроме того, в отличие от РАФ, некоторые автономные группы говорили - мы оказываем сопротивление каждый день и в ходе этого повседневного сопротивления мы получаем удовольствие, ловим кайф. Поэтому возникло движение, получившее название "герилья удовольствия". Нужно иметь в виду, что многое из того, что делало автономное движение, воспринималось и задумывалось, как некая альтернатива по отношению к тогдашнему умеренно-буржуазному движению за мир.

Бернард: Это было совершенно ужасающее зрелище, когда во времена движения за мир миллионы людей повторяли только одно: "мы должны быть пацифистами и ненасильниками и тогда мы сможем остановить войну, изменить мир и т.д." Мы пытались объяснить им, что сугубо мирными методами они никогда не смогут ликвидировать эту систему. Иногда даже специально провоцировали реакцию, затевали столкновения с полицией.

Ханна: В принципе автономы отвергают ненасилие как обязательный принцип, но в нашем движении есть люди, которые придерживаются более или менее ненасильственной тактики. Но в основном автономы "готовы к насилию".

Нужно иметь в виду, что система всегда пыталась расколоть левое движение по этому принципу. Эта тема вносилась извне и специально муссировалась, чтобы нейтрализовать людей. Существует определенная градация в понимании насилия - существует насилие против людей и насилие против вещей. Если, скажем, разбивают витрину, то это насилие против вещей, и против этого никто в движении особо не спорит. Но что касается насилия против людей, по этому поводу есть споры. У нас тоже есть поползновения со стороны государства объявлять насилием все подряд. Достаточно выйти на демонстрацию в маске, это объявляют насилием, потому что это - пассивное сопротивление полиции, а значит - насилие. (В Германии есть термин "монополия государства на применение насилия", считается , что только государство имеет легальное право применение силы - прим.ред.)

Бернард: Постоянные дискуссии по вопросу насилия были очень непродуктивны. Но были две причины, по которым движение было вынуждено к этим вопросам постоянно возвращаться. Государство пыталось дискредитировать движение, говоря, что мы "насильники и уголовные преступники", и дело с нами иметь нельзя ни в коем случае, они даже пустили в оборот слово "хаоты". Во-вторых, автономы пытались систематически практиковать насилие против вещей, чтобы показать, что государство ситематически занимается повседневным институциональным насилием, что вся капиталистическая система устроена так, что в отношении людей постоянно практикуется насилие. Автономы отвечают на это насилие и заставляют государство продемонстрировать его открыто. Был очень популярен лозунг: "Когда бьют витрины, вы орете, а когда умирают люди в Третьем мире, вы молчите". Это лозунг хорошо передает мироощущение, в результате которого появилось автономное движение.

Начиная с 80-х годов были и другие важные темы, обсуждавшиеся в автономном движении. Очень важным был вопрос о борьбе против атомной энергетики в связи со строительством заводов по переработке ядерных отходов, особенно в Горлебене и Ваккерсдорфе и в связи со строительством различных АЭС.

Ханна: Многие из этих проектов удалось предотвратить именно потому, что возник союз между буржуазным ненасильственным антиядерным движением и автономным радикальным движением. Иногда властям не удавалось расколоть движение по принципу насилия/ненасилия. Но так было не всегда, скорее это было нетипично. Например, в Вендланде, в Нижней Саксонии, было достаточно сильное напряжение между местными крестьянами, боровшимися против строительства атомных объектов, и автономами, которые пришли извне.

В ходе конкретных акций приходили новые люди, участвовали, находили людей, с которыми могли сотрудничать. Это вообще харктерно для автономного движения: когда происходит что-то реальное, сразу идет лавина людей, которые делают что-то вместе, но как только непосредственный повод исчезает, то эта масса рассыпается.

Бернард: Как приходят к автономам? Мы уже говорили, что значит "быть автономом", - это связано с определенным мироощущением. Движение не имеет жестких структур, куда можно прийти, сказать "примите меня, я хочу участвовать". Поэтому для людей, которые хотели принять участие в движении, было сложно найти людей и место, куда они могли бы прийти.

Ханна: Надо учитывать, что по сравнению с началом 80-х годов ситуация изменилась. Тогда были сквоты, о которых все знали. Сейчас их нет, по крайней мере в таких масштабах, как тогда. К тому же, по мере того, как движение становилось более боевым, его структуры, встречаясь с репрессиями, как бы закрывались, становились менее доступными, менее явными и напасть на них было достаточно сложно.

Бернард: Кроме того, если в движении нет писаных правил, то неписанные правила могут быть очень сильными. Например, если в какую-то группу приходит человек, который выглядит несколько иначе, он уже может восприниматься, как человек несколько подозрительный. Частично это объясняется тем, что периодически разоблачались агенты, засланные службами безопасности.

Ханна: Хотелось бы сделать краткий обзор того, в каких политических кампаниях автономы были задействованы за последние 15 лет. Во-первых, борьба за захваченные дома, вторая фаза которой началась с момента присоединения ГДР. Другое направление - антифашизм. Это было важным еще в 80-е годы, хотя не так важно, как сейчас. Тогда мы ограничивались сбором информации или тем, чтобы защищать от фашистов какие-то конкретные точки. Но после того, как фашистское движение стало расти, это приобрело особую важность. Далее - антиядерное движение, которое было очень важным в 80-е, но в котором автономы сейчас активно не участвуют. При этом аргументация против АЭС была такая - это гигантская технология, контролировать и управлять которой может только полицейское государство, поэтому нужно против этого бороться.

- А экологические аргументы?

Ханна: В принципе аргументы были и те, и другие, но автономы делали упор на социально-организационно-технологических моментах.

Бернард: Тема экологии всегда занимала у автономов второстепенное место, эта тема была прежде всего оккупирована "зелеными". И самое главное - в экологическом движении в Германии всегда доминировали люди, которые считали, что капитализм и экология совместимы, а для нас это было неприемлемо. Мы не хотим экологически чистой Германии, которая будет чистой за счет того, что эксплуатирует Третий мир.

Следующая тема - интернационализм. Специфика отношения автономов к этой проблеме заключалась в том, что мы воспринимали себя как людей, живущих в странах метрополии, которые тоже получают привилегии по сравнению с людьми, живущими в странах Третьего мира. Отсюда необходимость поддержки освободительных движений в странах Третьего мира и борьба за справедливость во всем мире, а также стремление в самом обществе стран-метрополий бороться против игнорирования этой проблематики.

Ханна: Следующее - это проблемы феминизма, сексуальности и взаимоотношений между полами вообще. Поскольку автономы всегда считали, что проводят не политику представительства, а политику "от первого лица", то считалось, что они не могут и не должны разрывать личную жизнь и свою политическую деятельность. В частности, феминистское движение заявляло марксистам, что те неправы, не учитывая сферу воспроизводства, учитывая только производительный труд. Автономы всегда говорили им, что личная сфера тоже является политической. Женщины требовали, чтобы в нашей среде были дискуссии на эти темы. Бернард рассказывал об этом мифе об автономе, как о человеке в маске, сеющем насилие, именно этот образ воплощал в себе то, против чего феминистки всегда пытались бороться. Женщины видели в этом возвращение через заднюю дверь так называемых "мужских добродетелей". Автономы как раз проповедовали стритфайт, уличные бои с полицией, где нужно быть быстрым, лов-

ким. Это был своего рода ковбойский культ. Многие автономные женские группы критиковали смешанное женско-мужское автономное движение, в котором процветает мачизм (от испанского слова "мачо" - настоящий мужчина). В результате этих дискуссий движение раскололкось, женщины начали создавать свои чисто женские организации, в том числе и для политических акций.

Бернард: Часть автономов решила определить, какое же место они занимают в этом патриархальном обществе. Есть ощущение, что мы живем в богатой капиталистической стране, с одной стороны, тоже получая свою долю, льготы от эксплуатации Третьего мира, с другой стороны, этого не желая. Это двойственное положение левого в богатой стране они сравнивают с двойственным положением мужчины в патриархальном обществе. Осознавая это, некоторые мужские группы решили заниматься антипатриархальной мужской политикой в современном обществе. Идея заключается в том, что, как в своей частной жизни, так и в политике, надо осознать, что такое патриархальные нормы, пытаться с ними бороться, искоренять их. Дело это совсем непростое - нельзя сказать, что с этого дня я антипатриархальный мужчина. Это определенный процесс, который занимает ряд лет и является некой эволюцией. Многие удивляются, почему автономы так много этим вопросом занимаются, но я считаю, что если мы отвергаем существующее общество, критикуем его, то мы должны хорошо понимать, какую роль мы в этом обществе играем.

О нынешней ситуации. Сейчас, после 1989 года, все говорят о том, что левое движение вообще и автономное движение в частности находятся в глубоком кризисе. Я считаю, что с разрушением советской системы автономы ничего не потеряли, а, может быть, даже приобрели, - приобрели чувство облегчения, потому что противостоящей системы больше нет, можно сосредоточиться на борьбе с капитализмом. С другой стороны, что делать с ощущением, что капитализм победил, какую альтернативу предложить? Начиная с 1989-90 годов борьба автономов направлена против нового немецкого национализма и фашизма. В начале 90-х годов в Германии возникло очень сильное фашистское движение, какого не было со времен войны, с активными боевиками на улицах.

Ханна: Структуры возникли на западе, но на востоке получили поддержку, обрели базу, которой у них раньше не было. Много людей были убиты скинхедами, просто ультраправыми или даже организованными фашистами. Это были прежде всего иностранцы, люди, которые иначе выглядели, бездомные. Автономы пытаются помешать фашистам проводить демонстрации, организуют оборону общежитий для иностранцев, ведут большую работу по сбору информации о фашистах. Есть много антифашистских, антирасистских групп, специальных телефонов, по которым можно позвонить и сообщить информацию, обратиться за помощью.

В 90-е годы, можно сказать, что автономное движение, как таковое, стагнирует. Многие молодые люди, которые в 90-е годы пришли в политику, в автономное движение, занимаются примерно тем же, что и раньше, стоят примерно на тех же позициях, но больше не называют себя автономами, а называют себя антифашистами. Кроме того, это и вопрос поколений: многим автономам, которые когда-то начинали это движение, уже за 30 или за 40, нынешние 20-летние их воспринимают, как другое поколение. Когда в прошлом году готовился конгресс автономов, трудно было привлечь многие группы из бывшей ГДР и многие группы, состоящие из молодежи. Это странно, так как позиции этих групп примерно одинаковые. Еще одна причина застоя в том, что некоторые люди, которые в этом давно участвуют, полагают, что движение погрязло в оборонительных боях и мало занимается наступлением и поэтому теряет свою силу. Крупным успехом автономов было то, что они предотвратили проведение Олимпиады 2000 в Берлине. В некоторых местах удалось предотвратить многие конкретные проекты. Это все успешные акции, но они мало направлены на изменение всей системы в целом.

Ханна: Начало автономного движения пришлось на период, когда какая-то часть общества не хотела в него интегрироваться, тогда это вызывало конфликт. И это составляло силу автономного движения. Низкий уровень организованности тоже составлял тогда часть силы автономного движения, потому что государству было сложнее реагировать. Сейчас ситуация изменилась, в том смысле, что общество легко готово, даже хочет выбросить из себя "нижнюю" треть. И поэтому угроза - "мы больше не принимаем в этом участия, без нас" - это уже не угроза. Очень многие люди в обществе решили, что крах "реального социализма" означает, что капитализм - хорошая система, потому что она хорошо функционирует. Например, профсоюзы (даже самые передовые), которые, правда, левыми в Германии никогда не были, сейчас отбросили окончательно классовую борьбу и ведут политику, нацеленную на то, чтобы поощрять создание предприятий в самой Германии. Они готовы за это заплатить зарплатой, условиями труда, и т.д. Автономы были сильны в первую очередь тогда, когда они были непредсказуемы, в силу своей диффузности и когда они могли стимулировать определенные настроения среди населения. Сейчас это не получается.

Бернард: Сейчас в автономном движении идет спор о том, должно ли оно организоваться. Частично это результат реальных проблем, потому что непредсказуемость иногда приводит к тому, что мы непредсказуемы сами для себя. И некоторые люди пришли к выводу, что нужно создать более прочную структуру. Это течение идет прежде всего из организации "Антифашистское действие", это общенациональная организация. Ее создание вызвало серьезные споры в автономном движении из-за опасения, что может возникнуть что-то вроде "автономной партии".

Важной темой для автономов в последние годы стала тема государственных репрессий. Многие люди были арестованы, многих ищет прокуратура и полиция. В таких масштабах этого давно уже не было. Многие опасаются, что это - часть специальной государственной политики, направленной на то, чтобы заставить автономное движение больше заниматься проблемой самозащиты, чтобы отвлечь их от другой деятельности, не дать им заниматься ничем другим. В частности, некоторых товарищей разыскивают по обвинению в том, что они пытались взорвать тюрьму, в которой будут содержатся подлежащие высылке иностранцы. Три человека были объявлены в розыске, они скрылись, проводится большая работа по сбору денег для них. Арестованы также издатели журнала "Радикал". Это старое автономное издание, которое в течении ряда лет издается нелегально. Идут процессы против активистов "Антифашистского действия". Продолжаются попытки властей придавить любую легальную деятельность.

- Вы говорили о расколе в автономном движении, что есть "женский сепаратизм" и "мужской сепаратизм". Все ли автономное движение расколото по этому принципу или есть смешанные группы?

Ханна: Именно в западно-берлинской части движения этот раскол зашел сейчас уже достаточно далеко. Прежде всего это было реакцией со стороны женщин на то, что в смешанных организациях мужчины отказывались обсуждать определенные вопросы и поэтому женщины сказали: "не хотите обсуждать, тогда мы вынуждены создать свою группу для того, чтобы этими вопросами заниматься". В последние дватри года есть и обратная тенденция, есть женские группы, которые продолжают работать как женские группы, но уже вместе с мужчинами. Эта фаза была важной, так как позволила мужчинам и женщинам осознать себя, определить свою позицию. Ошибка начинается тогда, когда говорят, что мужчины и женщины ничего общего друг с другом не имеют.

- За счет каких проектов существует автономное движение? Мы слышали о существующем в Германии "Проекте А", в рамках которого существует кооперативные предприятия, одни из которых ориентированы на рынок, другие - на удовлетворение нужд общины. Есть ли у автономов аналогичные программы?

Ханна: Есть те, кто не работает и получает пособие, есть те, кто занимается кооперативными проектами, позволяющими финансировать политическую деятельность. Отличие автономов от некоторой части анархистов состоит в том, что мы не считаем, что можно построить какой-то отдельный островок, оазис вне общества. В этом мы согласны с идеей Франкфуртской школы, о том, что вы всегда являетесь частью общества, даже если пытаетесь от него отгородиться, и изменения должны быть в существующем обществе, люди должны показывать, что возможна альтернатива существующей системе. Есть "коллективы", которые делают автономы. Многие люди хотят работать в таких коллективах, без хозяев, без начальства. В 70-е годах было широкое движение, которое называлось "альтернативные проекты". Идея состояла в том, чтобы создать контр-экономику в условиях капиталистического общества. Опыт был скорее негативным, потому что капитализм интегрировал или разрушил большинство этих проектов из-за того, что подобная коллективная работа при капитализме не конкурентоспособна. Люди в этих коллективах вынуждены работать гораздо больше, чем работники на капиталистических предприятиях, и за гораздо меньшую плату.

ГЕРМАНИЯ: АНТИАТОМНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

Вадим ДАМЬЕ

Немецкое экологическое движение с середины 80-х годов переживало спад. Массовые акции предшествовавших лет и чернобыльский шок приостановили атомную программу правительства. Политика "кнута" в отношении радикалов-автономов и "пряника" в виде частных уступок и включения "зеленых" тем в программы всех без исключения партий раскололи ряды экологистов и деморализовали многих активистов. Но проблемы остались. И теперь, похоже, над страной снова подул свежий ветер сопротивления.

Поводом на сей раз послужила транспортировка ядерных отходов. После того, как экологистам удалось в 80-х годах предотвратить сооружение завода по регенерации отходов в Ваккерсдорфе, Германия стала страной атомного транзита. Особенно полюбился атомщикам маршрут перевозки отходов на французскую фабрику Ля Аг, на британскую фабрику Селлафилд или в Горлебен, где, несмотря на ожесточенное сопротивление населения, немецкие власти отгрохали хранилище для ядерной отравы.

Собственно говоря, небольшие акции против атомных транспортов проводятся еще с начала девяностых. Но с каждым годом они становятся все активнее. Люди блокируют железные и автомобильные дороги, бросаются под колеса, устраивают сидячие забастовки, совершают акты саботажа, вступают в столкновения с полицией. Конечно, этим новым протестам далеко до гигантских маршей 70-х годов. Физически остановить перевозку теперь очень трудно. Но зато экологисты научились считать деньги. Тактика состоит теперь в том, чтобы нанести как можно больше ущерба, так чтобы перевозка стала невыгодной. Короче, дать ядерной мафии по рукам - не мытьем, так катаньем. "Теперь протаскивание транспорта с отходами против воли населения и антиатомного движения обойдется государству и атомной индустрии еще дороже - как с точки зрения их политической репутации, так и в финансовом отношении. "Таково содержание нашего лозунга: все дорожает и новая перевозка тоже"," - заявляют участники протестов.

В швабском местечке Гундремминген противники местной АЭС с 1990 по 1993 гг. организовали 7 блокад железной дороги, чтобы предотвратить перевозку отходов в Ля Аг, и 5 блокад других атомных транспортов. 13 сентября 1993 года они блокировали восьмой транспорт на Ля Аг, разобрав шпалы, что называется, голыми руками. 27 сентября того же года 4 человека отвинтили там 30-метровый рельс, чтобы остановить перевозку в Селлафилд. После новой блокады 4 активиста снова попытались демонтировть рельсы перед отправкой отработанных элементов реактора на британскую фабрику, но были арестованы и приговорены к денежным штрафам. Но поезд был блокирован другими протестующими. Четыре следующие отправки в Селлафилд были блокированы всего одним человеком. Но уже 12 ноября 1995 года около 100 человек устроились на шпалах и деловито разобрали путь. 26 участников были арестованы. 3 марта 1996 года была осуществлена пятая акция по демонтажу рельс в Гендреммингене. На сей раз гражданское неповиновение направлялось против запланированной на май перевозки элементов реактора в Горлебен. Уже накануне полиция отобрала документы у всех 150 участников протеста и обыскала их. Но эта мера устрашения не возымела действия. Программа мероприятий обсуждалась группами по 10-12 человек, которые принимали все решения на основе консенсуса и координировали свою деятельность через совет делегатов. После трапезы на металлических балках, которыми перегородили пути, рок-концерта, митинга, а для желающих -богослужения, 35 добровольцев, полностью игнорируя присутствие полиции, принялись разбирать магистраль. Все они были арестованы. Впрочем, люди хорошо знали, на что идут. Они намеренно стремились придать своей акции символический, публичный характер.

Важнейшим центром сопротивления "мирному атому" в Германии уже давно стал Горлебен. Когда-то собравшиеся со всей страны демонстранты захватили стройплощадку будущей ядерной свалки и провозгласили коммуну - "Свободную республику Вендланд". Вооруженные до зубов полицейские взяли ее штурмом. Но жители региона так и не смирились со смертоносным соседством, продолжают действовать граждан постоянно передававшимся сообщениям. Новости о сопротивлении в Миндене, Геттингене и других местах встречались аплодисментами. Над районами летали полицейские вертолеты с инфракрасными следящими установками. Около 4 часов утра 8 мая пришла весть о том, что "Кастор" прибыл на вокзал в Юльцене. Это стало сигналом к штурму. Тысячи людей бросились к погрузочной установке, чтобы не дать переложить контейнер на грузовик и отправить его в хранилище., находившиеся в на в 20 километрах от станции. Через эту живую преграду машина продиралась 6 часов - лишь в час дня удалось доставить партию ядерной смерти в Горлебен. Эти шесть часов напоминали о временах пика антиядерного движения ские инициативы, на акции протеста по-прежнему продолжают съезжаться люди издалека.

Весной 1995 г. в Горлебен впервые доставили транспорт с отработанными элементами АЭС из Ля Аг. Полицейским и охранникам пришлось буквально продираться через густые заросли блокад и акций саботажа. Новые демонстрации прошли на территории свалки осенью. 6 апреля 1996 года - в преддверии второй отправки отходов в Горлебен - антиядерное движение организовало демонстрацию в Данненберге,, в окрестностях хранилища. В ней участвовало две с половиной тысячи человек. Затем крестьяне загородили тракторами выезд с объекта, но по требованию полиции ее пришлось снять. 14 апреля по призыву гражданских инициатив со всей страны в Данненберге собрались две тысячи демонстрантов, 200 человек приступили к разбору полотна. Против них были брошены спецнаряды с собаками и водометами. Шестеро участников протеста были ранены, 25 - арестованы. Организаторы акции неповиновения оценили ее как успешную, но многие остались недовольны, полагая, что концепция ненасильственных действий не дает им оказать настоящее сопротивление озверевшим "быкам", как в Германии презрительно именуют полицию. В прошлом властям нередко удавалось расколоть ряды протестующих, натравливая сторонников ненасильственных форм протеста на радикалов. Но гражданским инициативам Вендланда пока удается избежать раскола, придерживаясь тактики сочетания различных методов борьбы. 20 апреля экологисты объявили "днем Б" - несколько сотен активистов на некотрое время засели на опасных мостах по дороге в Горлебен. На 27 апреля был намечен общегерманский день протеста. Из 30 ядерных объектов страны для акций были выбраны 6, которые имеют символическое значение - АЭС в Библисе, однажды уже находившаяся на грани аварии, реактор в Крюммеле, вызвавший многочисленные случаи лейкемии, запланированный военно-исследовательский реактор в Гархинге у самых ворот Мюнхена, хранилище отходов в Ахаузе и в Морслебене близ Магдебурга на востоке страны, а также знаменитая стройплощадка АЭС в Вюле, где в начале 70-х зародилось антиатомное движение.

В день загрузки транспорта с отходами (он называется "Кастор") в Ля Аг 800 человек демонстрировали в регионе Вендланда и поклялись остановить кортеж с помощью заграждений из горящих шин. Резко возросло количество актов саботажа. 4 мая в Данненберге собралась десятитысячная демонстрация протеста. Люди образовали "живую цепь" с использованием 150 тракторов в виде подручных средств. Против них были использованы водометы. 180 протестовавших задержаны. Многие из демонстрантов так и не разъехались, а остались в двух палаточных лагерях протеста и занялись мелкими акциями - захватами и порчей рельсов.

"Кастор" стартовал 6 мая. Власти мобилизовали девять тысяч "быков", чтобы пробить все многочисленные заслоны, воздвигнутые на его пути. Антиядерное движение провозгласило кампанию гражданского неповиновения. В Данненберге демонстраны захватили железнодорожное полотно и возвели баррикады на рельсах. При разгоне снова были арестованы десятки человек. В ночь на 6 мая сотни радикально настроенных людей атаковали полицейских, забросав их камнями и обстреляв "быков" из сигнального оружия. В завязавшейся схватке 2 "быков" были ранены, 89 человек арестованы. В последующие дни акции протеста продолжались вдоль всего маршрута следования транспорта с отходами. Собравшиеся в Данненберге следили за ними, благодаря 80-х. Ситуация напоминала гражданскую войну. "Кастору" пришлось продираться через блокады, ряды пылающих баррикад, встречая на своем пути разнообразнейшие акты сопротивления. В отличие от прошлого года, полиция даже не пыталась оттаскивать про-

тестующих с дороги - она сразу же пускала в ход водометы. Множество людей были ранены. В ответ в полицию летели горящие факелы. 29 человек были арестованы при попытке остановить тягач, еще 60 - в ходе уличных боев с ментами в Данненберге.

Прохождение первого состава обеспечивала уже целая армия в 19 тысяч полицейских. Это была самая крупная мобилизация полиции в истории ФРГ.

Ядерный транспорт прошел. Впрочем, это не было неожиданностью. У властей Германии пока еще достаточно силы, чтобы настоять на своем. Но и убытки превзошли любые ожидания - 55 миллионов марок. Новые отправки, которые уже были запланированы, пришлось приостановить. Антиатомное движение не намерено сдаваться. Его активисты убеждены: в войне на измор, которую они ведут с государством и ядерной мафией, победа останется за ними.

ОТЧЕТ О ПРАЗДНОВАНИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРВОМАЯ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

БЕРЛИН. Министр внутренних дел городского правительства пообещал в апреле, что не допустит никаких первомайских беспорядков. Но надежды властей, стянувших в Берлин 4500 специально натасканных полицейских со всей страны, оказались тщетными. Городу пришлось пережить две ночи ожесточенных столкновений в связи с традиционным празднованием Революционного Первомая.

Обстановка в Берлине была в последнее время накаленной. Меньше чем за месяц полиция захватила 4 сквота, против любой левой демонстрации организовывались провокации. Социальная ситуация ухудшалась: власти продолжали урезать расходы на социальные нужды, финансируя крупное капиталистическое строительство в новой столице объединенной Германии. Поэтому настроение берлинской леворадикальной "сцены" было весьма боевым. 30 апреля в восточно-берлинском районе Працлауэр-Берг - известном центре альтернативного и леворадикального движения - проходил очередной 10-тысячный фестиваль Вальпургиевой ночи. Чтобы избежать столкновений с полицией на подобие прошлогодних, местные "зеленые" попытались договориться с властями. Совместными усилиями они выработали "программу безопасности", которая предусматривала засылку почти сотни переодетых полицейских в ряды веселящихся для выявления "провокаторов" и стягивание до 1500 омоновцев на соседние улицы. Подобная трусость не могла привести ни к чему хорошему, и уже около двух часов ночи молодые анархисты, облачившись в черные маски, подожгли роскошную автомашину и соорудили небольшую баррикаду. Рассвирепевшая полиция набросилась на людей и принялась избивать всех без разбора. В ходе столкновений, которые продолжались полтора часа, было ранено 5 полицейских, 25 демонстрантов арестовано.

Реформистское профобъединение ОНП собрало на свое скучное мероприятие всего 10 тысяч человек. Многие из пришедших освистали выступления профбоссов, пособничающих консервативному правительству Гельмута Коля в его наступлении на права и завоевания трудящихся. К тому же колонна курдских демонстрантов подверглась нападению полиции, арестовавшей 7 человек.

Леворадикальные силы Берлина приняли решение провести социально-революционную первомайскую демонстрацию отдельно от маоистских группировок, которые в предыдущие годы пытались захватить руководство акцией. По инициативе "экологических левых", автономных и антифашистских групп и анархистов 10-12 тысяч человек собрались на площади Розы Люксембург в восточной части города и двинулись к Кольвицплатц в Пренцлауэр Берг. "Быки" (так немецкие левые называют своих ментов) на сей раз не пытались помешать шествию, только оградили кордонами попадавшиеся по дороге сквоты и иные важные объекты. Около площади, до которой дошли 2000 человек, полицейские машины преградили дорогу и врезались в толпу. В ответ молодые автономы атаковали полицию, забросав ее камнями и бутылками. Начали сооружаться баррикады. "Быки" ответили водометами и дубинками. Уличные сражения продолжались два часа. Понадобились 2 цистерны слезоточивого газа, прежде чем ментам удалось очистить район. Спорадические стычки продолжались весь вечер. Характерно, что речь идет о новом поколении радикальных молодых автономов - выходцев с Востока страны, а не из традиционных оплотов левых, вроде Кройцберга. (Отметим также, что шедшая одновременно из Кройцберга демонстрация 2500 турецких и курдских маоистов также подверглась нападению полиции.)

В ходе столкновений были ранены 48 полицейских и неустановленное число демонстрантов. Все задержанные подверглись грубому обращению, 96 из них грозят обвинения в массовых беспорядках, в том числе 19 "светят" срока от 6 месяцев до 10 лет.

Одной из неудач левых в день Первого Мая было единодушно признано то, что неонацистам удалось "под шумок" беспрепятственно провести по улицам района Марцан до 200 своих сторонников, приехавших со всей страны. Обычно берлинские левые подобные сборища разгоняют.

"Arm the Spirit", "АК"

ЦЮРИХ. В левых кругах название банковской столицы Швейцарии давно читается как "цу риш" - "слишком богатый". Но этот же город с 70-х годов стал одним из центров молодежного сопротивления против капитализма. Сейчас в нем участвует новое поколение, которое пресса окрестила "детьми-хаотами". Горючего материала в Цюрихе скопилось предостаточно. Можно упомянуть нерешенные социальные проблемы, сокращение мест в учебных заведениях, полицейский произвол и издевательства над подростками, репрессии в отношении эмигрантов... Неудивительно, что на провокацию полицейских против первомайского фестиваля и последовавшей демонстрации, в которой приняли участие тысячи человек, "черный блок" ответил камнями, палками и бутылками. Вспыхнули настоящие уличные бои.

Власти попытались свалить всю ответственность на "малолетних хулиганов-насильников", но попытки расколоть движение протеста не удались. Оргкомитет 1 мая провел 4 мая новую демонстрацию против полицейского еррора. В распространенном заявлении одной из автономных групп, участвовавших в первомайских событиях, в частности, говорилось:

" У нас есть тысяча и две причины, чтобы оказывать сопротивление во всех возможных формах - здесь и сейчас. Мы спрашиваем: кто пытается заткнуть рот оппозиции? Кто пытается создать спокойный, так называемый чистый город? Кто? Не те же ли самые люди, которые извлекают прибыли из всемирной эксплуатации, из войн, из разрушения окружающей среды, насилия над женщинами, расизма? Кто превращает эмигрантов в преступников? Кто хочет сделать их козлами отпущения за все проблемы, порождаемые этим конченным обществом? Кто ответсвенен за всемирную торговлю наркотиками? Кто навязывает нам негарантированные условия труда? И кто берет на себя репрессивную роль во всей этой дерьмовой игре? Кто создал атмосферу, в которой менты и фашисты могут трепаться друг с другом и сотрудничать без всяких помех? Как стало возможным6 что нацисты могли месяцами каждый уик-энд терроризировать целый район города? Кто несет политическую и практическую ответственность за то, что первомайский праздник был превращен в ситуацию, напоминающую войну? Для кого безопасность офисов страховых компаний важнее, чем жизнь и здоровье тысяч людей? Кто стрелял слезоточивым газом на уровне человеческих голов?.. Кого удивляет, что все больше молодых людей выходит на улицы? Разве у них, подвергающихся полицейским репрессиям... мало причин для гнева, для того6 чтобы ответить ударом на удар?

Властители хотят деполитизировать, криминализоровать и заставить замолчать радикальное сопротивление, которое выражается не только в 5 нелегальных демонстрациях в год, но и в десятках листовочных кампаний, собраний, фестивалей, графитти, дискуссий, собственных газет, акций и т.д. Мы не намерены без сопротивления принять господствующие обстоятельства. Будем вместе бороться за солидарное общество, которое мы - индивидуально и коллективно - должны каждый день создавать заново. Мы видим путь не в реформистском трепе или псевдореволюционных деяниях, а в конкретных действиях, иногда воинственных против символов системы, иногда - в других, так называемых мирных методах. Но, прежде всего, - без какой-либо иерархии среди нас самих, без притязаний на истину в последней инстанции... Не может быть свободы за счет других."

"MEGAFON"

ИСПАНИЯ. Анархо-синдикалисты из Национальной конфедерации труда (НКТ) провели первомайские демонстрации и митинги во многих городах страны, причем во многих (таких, как Памплона, Хаен, Доностия, Сомора) - впервые за много лет. В Мадриде свыше 2 тысяч демонстрантов прошли по проспекту Браво Мурильо, среди них было много молодежи. Лозунги были направлены против безработицы, негарантированных условий труда, против политиков и профсоюзной бюрократии, против военной службы. Акция закончилась митингом и пением легендарной песни испанских анархистов - "На баррикады!". Значительные акции и манифестации прошли также в Кандасе, Понферраде, Тенерифе, Кордове, Компостеле, Ла Корунья, Саламанке, Вальядолиде, Аликанте, Бильбао, Гвадалахаре, Валенсии, Сарагосе, Барселоне, Мериде, Утрере.

"CNT"

Анархисты с испанского острова Менорка сообщают о своей деятельности по различным направлениям. Главные проблемы на Менорке - экологические. Поскольку здесь все подчинено интересам туризма, эксплуатация природы нарастает. Сейчас планируется "реконструкция", то есть расширение порта Сьютаделла и "урбанизация" пока еще диких пляжей. "Урбанизированные" пляжи становятся платными и вообще реализация этих планов на Менорке может привести к исчезновению источников пресной воды. Получится то же, что на соседней Мальорке, где для 800-тысячного населения острова воду уже завозят с материка в танкерах. На Менорке существует сильная оппозиция этим проектам, но беда в том, что сторонники этих антиэкологических проектов имеют очень эффективные рычаги влияния на местные власти.

Анархисты Менорки приступили также к созданию Антимилитарисистской Ассамблеи Менорки (АМА) и открыли Либертарный Университет. Анархизм пользуется среди молодежи достаточно большой популярностью, но дают себя знать и пропагандируемые капиталистическими масс-медиа буржуазный индивидуализм и пофигизм. Но анархисты продолжают свою работу, попутно информируя население Менорки и о том, что происходит в России, в частности о войне в Чечне.

тов.Рикар

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. (Издание второе, дополненное и переработанное.) Автор-составитель О.В.Будницкий. Ростов-на Дону, "Феникс", 1996.

Индивидуальный политический террор в России. XIX-начало XX вв. Материалы конференции. Москва, "Мемориал", 1996.

В последние годы революционеров и, тем более, террористов в популярной и даже псевдонаучной литературе принято изображать кровожадными злодеями, жестокими маньяками, возмутителями спокойной и идиллической жизни русского народа и государства. Тем отраднее появление сразу двух книг, правдиво и всесторонне освещающих драматическую историю русского терроризма.

Первая из них представляет собой антологию всех основных произведений, вышедших из кругов русских террористов с 1860-х гг. по 1911 г.: здесь и речь на суде А.И.Желябова, и давно ставшие раритетом программные статьи Н.А.Морозова, С.М.Степняка-Кравчинского, В.М.Чернова, листовки анархистов. Специальные работы посвящены проблемам нечаевщины и отношению к террору П.А.Кропоткина. Автор-составитель сборника - О.В.Будницкий - далеко не сочувствует русским революционерам, но он честно и объективно представляет в своей замечательной антологии их позицию, вместе с тем давая "высказаться" и противоположной стороне (приводится речь прокурора Муравьева на суде "первомартовцев", высказывания Победоносцева и пр.). Ознакомившись с материалами сборника читатель получит достаточно полное представление о русском революционном терроризме. Специальные разделы посвящены шестидесятникам, народовольцам, эсерам, максималистам, анархистам, эсдекам и отношению общества к терроризму.

Сборник статей и докладов, посвященных индивидуальному терроризму в России, выпущенный "Мемориалом", также заслуживает внимания читателя, представляя разные аспекты терроризма и разные точки зрения на него. Если первая из упомянутых книг в большей мере помогает понять мотивы террористов, психологию и идеологию террора, то во второй дается богатый фактический материал по истории террора, причем есть специальные статьи, посвященные террору польских партий, черносотенцев, анархическому и левоэсеровскому террору, но основное внимание уделено "Народной Воле" и Боевой организации ПСР.

В общем, два названных сборника являются не только большим событием в исторической науке (в котрой на смену тенденциозно-КПССовскому ныне возобладал тенденциозно-либеральный и монархический подход в освещении этой проблемы), но, надеюсь, привлекут внимание широкого круга читателей, интересующихся историей освободительного движения в России. Многое в этих книгах имеет не только академическое значение для участников радикального движения в современной России - ситуация ставит на повестку дня вопрос о формах борьбы, о границах допустимого и целесообразного, об этике революционеров. И в этих дискуссиях два вышедших сборника могут дать полезный материал для размышлений.

Разумеется, проблема террора - огромная историческая, философская, этическая и практическая проблема, и я надеюсь вернуться к обсуждению этой темы в одном из ближайших номеров нашего катализатора.

Петр РЯБОВ

Э.Малатеста

АНАРХИЗМ В ИТАЛИИ

Глава из книги Джорджа Вудкока

"Анархизм. История либертарных идей и движений"

перевод с английского Петра Рябова

Тенденция анархистских движений принимать местные особенности чрезвычайно ярко проявилась в Италии, где революционное движение, развивающееся в эпоху Рисорджименто, было одним из определяющих факторов освободительного движения.

Первые анархистские группы в стране были образованы мадзинистами и гарибальдийцами; под властью Савойской монархии анархизм длительное время продолжал существовать в виде тайных обществ, подобно республиканским движениям начала XIX-го столетия, и продолжал также традиции конспирации, заговоров с целью восстания и традиции героических подвигов. Эти традиции, развивавшиеся карбонариями, помогли анархистам определить путь действия. Даже свободная организация их движения походила на ту, которую приняли карбонарии, подвергаясь преследованиям, и типичные герои анархического движения, такие как Эррико Малатеста и Карло Кафиеро, жили в яркой, возвышенной манере Гарибальди и Писакане.

Но, если движение за национальное освобождение повлияло на итальянский анархизм - и через него на методы анархистов в других странах, - идеи зарубежных анархистов, в свою очередь, оказали решающее влияние на развитие революционного движения в Италии. Уже до приезда Бакунина в 1864 году, идеи Прудона оказали воздействие на итальянскую республиканскую мысль, в особенности на произведения и устные проповеди такого Дон Кихота Рисорджименто, как Карло Писакане, герцога Сан-Джованни.

Будучи еще юношей, Писакане играл видную роль в революции 1848 года, когда он был начальником штаба в армии Мадзини в Римской Республике. В 1857 году он выступил предшественником сицилийской экспедиции Гарибальди, но с более трагическим исходом, отплыв из Генуи с маленьким отрядом республиканцев на пароходе "Кальяри" и высадившись на побережье Калабрии. Местные повстанцы, на которых он надеялся, не соединились с ним, и он, будучи разбит войсками Бурбонов, убил себя на поле боя.

Писакане стал одним из героев-мучеников Рисорджименто, но только после его смерти, после публикации в Париже собрания его сочинений /под названием "Очерки"/ его либертарные идеи стали широко известны. В годы изгнания между 1848 годом и роковой экспедицией в Калабрию, он был поглощен чтением Прудона и Фурье, и вступил в полемические дискуссии с Мадзини о сущности предстоящей итальянской революции. Позиция Писакане была недалека от позиции Бакунина во время панславистского этапа его эволюции; он смотрел на социальную революцию как на средство для революции национальной. Необходимо поднять крестьян, чтобы нация могла стать свободной, а это можно сделать, только предоставив им экономическую свободу, свободу от ига их непосредственных тиранов - помещиков. Поэтому Писакане стал социалистом-прудонистом. Он требовал, подобно Прудону, чтобы каждый человек имел "гарантированными плоды своего труда" и чтобы "всякая другая собственность была не только отменена, но и осуждена, как кража". Писакане фактически шел вслед за Прудоном в направлении коллективизма, поскольку он также хотел сделать промышленные предприятия коллективной собственностью, и обрабатывать землю коммунами таким образом, чтобы люди поровну делили сельскохозяйственные продукты.

Писакане не только принимал основную экономическую теорию Прудона. Он также позаимствовал его идеи о правительстве, и необходимую цель революции видел не в централизованном государстве якобинцев и бланкистов, но в "единственно справедливой и безопасной форме правительства, анархии Прудона". Он требовал упрощения общественных учреждений, и кроме того заявил, что "общество, основанное на своих реальных и необходимых отношениях, исключает даже самую идею правительства". Но, возможно, наиболее поразительным звеном, соединяющим итальянский анархизм и ранние традиции Рисорджименто, является изложенное Писакане обоснование того, что позднее стало называться *"пропагандой действием"*.

"Пропаганда - это химерическая идея, - писал он. - Идеи воздействуют через действия, а не действия - через идеи, и люди не смогут стать свободными, если их только просвещать, но они смогут "просветиться", когда станут свободными. Только гражданское действие способно принести добро стране и оно должно сочетаться с ощутимой, реальной революцией; следовательно, конспирации, заговоры, покушения и так далее являются таким рядом действий, при помощи которых Италия сумеет достичь своей цели".

И вся история анархизма в Италии может быть легко описана как перечень ряда попыток выполнить это предписание.

Писакане не оставил после себя движения. Однако, он оказал огромное влияние на молодых республиканцев, как через своих ближайших соратников и друзей, так и - посмертно - через свои сочинения, и это влияние способствовало дружескому приему Бакунина, когда он приехал во Флоренцию в 1864 году. Это объясняет, почему среди членов Флорентийского Братства и Интернационального братства, позднее организованного в Неаполе, было несколько старых товарищей Писакане.

Влияние идей Прудона также распространилось в Италии в форме непосредственно мютюализма; первый социалистический журнал, основанный в Италии, "Иль пролетарио", издаваемый флорентийцем Николо Савио, был вдохновлен прудонизмом. Однако, как и во Франции, мютюалисты в Италии эволюционировали в сторону умеренности и консерватизма, и их роль в развитии анархизма была незначительной. Итальянское анархическое движение фактически началось с приезда Бакунина.

Во Флоренции Бакунин окончательно оставил свой первоначальный панславизм и воспринял анархизм как свою революционную доктрину; как следствие этого, рождение анархизма

в Италии совпало с рождением анархического движения в виде его первоначального прототипа, Флорентийского Братства. Эта недолго просуществовавшая организация была мало известна, ее преемник - Интернациональное Братство. Здесь я рассмотрю вопрос - как повлияло Интернациональное Братство на итальянское движение и может ли оно считаться его частью.

В программных документах Интернационального Братства, написанных Бакуниным и его ближайшими товарищами, итальянская секция Братства называлась по-разному: "Общество Социальных Революционных Демократов" и "Итальянское Общество Легионеров Социальной Революции". Это не является основанием для того, чтобы считать, что это были две различные организации; страсть Бакунина к громким названиям вполне объясняет это удвоение. Руководство общества, по-видимому, приблизительно совпадало с бакунинским Центральным Комитетом Интернационального Братства в Неаполе. Некоторым членам этой руководящей группы, создавшим местные организации, суждено было и впоследствии играть значительные роли в истории анархизма. Джузеппе Фанелли, ветеран 1848 года, был даже депутатом итальянского парламента, но он был столь увлечен проповедью Бакунина, что позднее он выполнил нелегкую, но плодотворную миссию - обращение испанских масс в анархизм. Саверио Фрискиа, сицилийский врач-гомеопат, был также членом Палаты депутатов, но играл важнейшее значение в Интернациональном Братстве, как франкмасон тридцать третьего градуса посвящения с колоссальным влиянием в ложах Южной Италии. (Сам Бакунин, подобно Прудону, был франкмасоном; еще следует провести исследование связующих звеньев между европейским франкмасонством и ранним анархическим движением прим.перев.) Карло Гамбуцци, неаполитанский юрист, стал близким другом Бакунина и любовником его жены Антонины, оставаясь также на протяжении многих лет активным вождем итальянского анархистского движения. Еще одним выдающимся членом этой ранней "элиты" итальянского анархизма был Альберто Туччи, другой молодой неаполитанский юрист.

Размеры движения, которое возглавляли эти люди, трудно оценить, главным образом из-за претенциозности этой бумажной организации. Был создан Итальянский Центральный Комитет, и вся страна была оптимистически разделена на области, в каждой из которых участники движения должны были находиться под контролем генерального штаба, назначенного Центральным Комитетом; на этом этапе бакунисты, принимая в целом анархические идеи для организации общества после революции, в то же время еще не стряхнули с себя авторитарные формы конспираторской традиции внутри своей собственной организации. Однако, очевидным является тот факт, что единственными регионами Италии, где группы Братства развили активность, были город Неаполь и города Палермо и Скиачча на Сицилии; не было подходящих надежных фигур для руководства даже несколькими из этих существующих групп, но, впрочем, они были, вероятно, очень небольшими. Кроме того, несколько старых товарищей Бакунина во Флоренции примкнули к Братству в качестве индивидуальных членов, но нет и следа флорентийской группы как чего-то целого. Даже те секции, которые реально существовали, сразу же зачахли, едва Бакунин покинул Неаполь и уехал в Женеву в августе 1867 года, и можно с уверенностью предположить, что Интернациональное Братство, которое формально не было распущено до 1869 года, оставалось в Италии, как и в других местах, костяком организации, состоящим из ближайших друзей Бакунина.

На протяжении этих первых лет итальянского анархизма между Бакуниным и его итальянскими последователями поддерживалась тесная связь. Фанелли, Фрискиа и Туччи вступили вслед за ним в Лигу Мира и Свободы и затем покинули ее, чтобы стать учредителями Интернационального Альянса Социальной Демократии. Фанелли, Гамбуцци, Туччи и Фрискиа, вместе с Рафаэле Милети из Калабрии и Джузеппе Манцони из Флоренции, создали ядро Национального комитета этого Альянса. С другой стороны, трудно сказать, что Альянс набрал большую силу в Италии, так как вскоре, в самом начале 1869 года и эта организация была распущена, и ее группы автоматически стали секциями Международного Товарищества Рабочих. (Первого Интернационала - прим. перев.) Итальянские организации выступали против этого шага, но тут наступило время - первые месяцы 1869 года - когда влиятельное и мощное анархистское движение начало возникать в Италии.

Сначала оно было ограничено пределами Меццоджиорно (юг Италии - прим.перев.), и наиболее активная организация существовала в Неаполе, под руководством Гамбуцци и портного Стефано Капороссо. Многие местные ремесленники примкнули к этому движению, и на Базельском конгрессе Интернационала, в сентябре 1869 года, Капороссо сообщил о шестистах членах организации. Двумя месяцами позже Неаполитанская секция организовала первое итальянское анархистское издание - "Л'Эгюаглианца", редактируемую бывшим священником Микельанджело Статути, чьи идеи, кажется, предшествовали мыслям, развитым впоследствии Жоржем Сорелем, поскольку он утверждал, что забастовки являются единственным полезным оружием, ибо они развивают среди трудящихся дух солидарности.

Спустя три месяца "Л'Эгюаглианца" была запрещена полицией, но неаполитанская секция продолжала разрастаться. В самом деле, после ее участия в забастовке рабочих-кожевников, она так быстро выросла, что в начале 1870 года местная полиция сообщала о четырех тысячах членов этой секции. Другие секции появились в Кампании и на Сицилии, но прошло еще некоторое время, прежде чем движение распространилось по всей остальной Италии. Фактически, полицейские преследования, заключение в тюрьму Гамбуцци и Капороссо и обнаружение агентов-провокаторов среди членов неаполитанской секции привели к спаду движения даже на юге.

В середине 1871 года, однако, возникли новые группы революционеров, которые отличались по своему характеру от тех ветеранов раннего этапа борьбы, которые впервые сплотились вокруг Бакунина. Все их вожди: Карло Кафиеро, Эррико Малатеста и Кармело Палладино, были молодыми людьми неполных двадцати лет, образованные сыновья помещиков Южной Италии; все они были выходцами из тех областей, где была чрезвычайно распространена нищета среди крестьян (Кафиеро и Палладино из Апулии, а Малатеста из Капуи); они, фактически, были итальянским аналогом русских "кающихся дворян" с больной совестью, которые в то же десятилетие ощутили жгучую необходимость "идти в народ". Их чувство несправедливости, совершаемой над бедными и беззащитными, заставляло их нетерпимо относиться к фарисейскому либерализму Мадзини, и - к стареющему Гарибальди, уже неохотно дающему вовлекать себя в борьбу. Бакунин был тем вождем, на которого они ориентировались, хотя Кафиеро и заигрывал некоторое время с Энгельсом и с Марксом. Этот триумвират: Кафиеро, Малатеста и Палладино, восстановил секцию Интернационала в Меццоджиорно, но их работа продолжалась медленно, поскольку ей вскоре начали мешать полицейские преследования, и она так и должна была бы оставаться незначительной, если бы Мадзини не решил по ходу дела, что все это играет на руку Бакунину, и не дал ему возможность приобрести огромное влияние среди итальянских политиков левого направления.

К старости Мадзини постепенно становился все более консервативным и все более недоверчивым по отношению к активным участникам итальянского республиканского движения. Он был обеспокоен растущим влиянием социализма в Европе, и он даже разоблачал Парижскую Коммуну за ее безбожие и ее отказ от истинного национализма. Теперь он выступил против Интернационала и атаковал его таким же образом в "Ля Ромо дель Пополо". Многих из его собственных последователей, - которые восхищались героизмом коммунаров и знали,

что некоторые и наиболее замечательные деятели среди них принадлежали к Интернационалу, - оттолкнула от Мадзини эта его позиция, и одна из лево-ориентированных республиканских газет "Иль газзетино Россо" в Милане, опубликовала 24 июля 1871 года острый ответ Бакунина, озаглавленный: "Ответ Интернационалиста Джузеппе Мадзини"; Бакунин обвинял вождя-ветерана "повернувшего вспять от пролетарской стороны" в то время, когда эта позиция позволила допустить ужасы последних дней Коммуны. Немедленно вслед за завершением этой статьи, Бакунин, который осознавал, что в этот момент судьба анархизма в Италии висит на волоске, сел писать работу, намного большую по объему, - сочинение озаглавленное "Политическая теология и Интернационал", которое закончил к осени 1871 года. Непосредственным результатом этой полемики было распространение организации Интернационала, которая теперь начала лавинообразно расти и в Меццоджиорно, и в своих будущих цитаделях: в Тоскане, Романье и в других местах. 18 октября Кафиеро прислал Энгельсу список городов, в которых началась деятельность Интернационала; они включали помимо старых южных центров, Флоренцию, Парму, Равенну, Пизу, Турин, Милан, Рим и Болонью. Сколько из этих городов имели в это время активно действующие секции, трудно сказать, но когда Юрская Федерация выпустила Сонвильерский циркуляр против Генерального Совета в ноябре 1871 года, секции в Болонье, Милане и Турине поддержали его вместе с секциями на юге Италии.

К этому времени, однако, произошла быстрая перемена. Бакунин обратился к мадзинистскому конгрессу рабочих в ноябре 1871 года с новым памфлетом, озаглавленным: "Обращение к моим итальянским друзьям", который побудил некоторых делегатов удалиться с заседания конгресса, лишь бы не принимать позицию Мадзини. В следующем месяце движение Фашио Операйя (Рабочих Союзов) появилось в центральной Италии; это движение было первоначально социалистически ориентировано, и в феврале 1872 года собрание его представителей из Равенны, Луго и Форли объявило о присоединении его к Интернационалу, поддержав анархистский лозунг автономии общин. В следующем месяце четырнадцать секций из Романьи совместно провели в Болонье первое анархистское собрание, которое реально уже было общенациональным, поскольку на нем также присутствовали делегаты из Неаполя, Турина, Генуи, Мантуи и Мирандолы. На этом конгрессе доминировала группа молодых людей из Романьи, возглавляемая Андреа Коста, студентом-филологом, которого привели к Интернационалу его энтузиазм по поводу Парижской Коммуны, и который присоединился к Малатеста и Кафиеро, вместе с ними образовав главную воодушевляющую силу итальянского анархизма на протяжении большей части 70-х годов.

К.Кафиеро

Конгресс в Болонье разрушил надежду марксистов на распространение их влияния, по крайней мере, в настоящем, в зарождающемся итальянском социалистическом движении. По вопросу о политической борьбе, который разделял Маркса и Бакунина, делегаты конгресса проголосовали против участия в выборах и резко заявили, что "любое авторитарное правительство работает на благо привилегированным и в ущерб обездоленным классам". Они также провозгласили, что выступают за всеобщее восстание, которое будет иметь своей целью разрешение социальной проблемы. В организационном плане, итогом конгресса было основание Федерации Болонской Области, которая уклонялась от участия в борьбе Маркса и Бакунина, решив остаться автономной и поддерживать отношения в равной мере как с Генеральным Советом Интернационала, так и с Юрской Федерацией - как с корреспондентскими бюро. Маркс и Энгельс, которые полагали, что все, кто был не с ними, был против них, решили, что итальянцы "разоблачили себя как явных бакунистов"; как быстро показало время, они не ошиблись.

Теперь Романья стала центром анархистского движения, в основном благодаря энергичной организационной работе Коста. В остальной Италии секции мало координировали свои действия друг с другом, за исключением Умбрии, и стремление к такой координации было исключительно инициативой анархистов из Романьи и Фанелли в Неаполе, которого обеспокоено "дергал" Бакунин - который стремился к консолидации своих сил для борьбы внутри Интернационала, - результатом этой инициативы был совместный сбор анархистов всей страны на общенациональный конгресс. Этот съезд, который открылся в Римини 4-го августа 1872 года, имел историческое значение, поскольку он не только заложил основание антиавторитарной тенденции в итальянском социализме, но также непосредственно решил судьбу всего Интернационала в целом.

На конгрессе были представлены двадцать одна секция, и их распространение свидетельствовало о географических изменениях, которые произошли в анархистском движении. Безусловно доминировавшая до этого область Меццоджиорно теперь прислала делегатов только лишь от двух секций; в этой области, среди пораженных вопиющей нищетой крестьян, анархизм был не способен достичь каких-либо успехов за пределами больших городов. Исключая единственную римскую секцию, все остальные делегаты приехали из северных и центральных провинций: Романьи, Тосканы, Умбрии и Эмилии. Милан, чей делегат, Винченцо Пецца, был болен, вследствие недавнего заключения в тюрьму, отправил на конгресс послание, составленное в резко антимарксистском духе. Оба поколения революционеров были представлены среди делегатов: Фанелли и Фрискиа - от старой республиканской левой, а Коста, Кафиеро и Малатеста - от молодого поколения борцов.

Съезд основал Итальянскую Федерацию Интернационала как простую сеть автономных областей, общими организациями которых должны были быть лишь корреспондентское и статистическое бюро. Резолюции, написанные в совершенно анархистском духе - против политической борьбы - были приняты единогласно, и затем, на третий день, Конгресс перешел к вопросу о своем отношении к Генеральному Совету и о своей позиции в отношении Гаагского Конгресса. Бакунин и его последователи в Испании и Юрской Федерации убеждали итальянцев отправить как можно больше делегатов в Гаагу (на конгресс Интернационала - прим. перев.), но увлеченные пылким красноречием Кафиеро и Коста, итальянцы приняли решительную, исчерпывающе подробную резолюцию, в которой они объявляли разорванной "любую солидарность с Генеральным Советом в Лондоне", отказывались признать Гаагский конгресс, и призывали членов Интернационала, которые поддерживали их оппозицию к авторитарным методам Генерального Совета, - прислать представителей на отдельный антиавторитарный конгресс в Невшатель. Итак, Итальянская Федерация, последняя из числа тех, что были основаны во время существования старого Интернационала, была первой, начавшей раскол, который, как все анархисты знали в глубине сердца, был неизбежным.

Итальянцы придерживались своей резолюции, не признающей Гаагский конгресс. Карло Кафиеро присутствовал на нем, но только как наблюдатель; когда он возвращался с него через Швейцарию, он встретил четырех других делегатов из Италии и принял участие в конгрессе в Сант-Имьере, который подтвердил разрыв с марксистскими секциями Интернационала.

О Коле

Оказывается, любовь измеряется болью, такая вот физическая величина. Не берусь рассказывать о нем тем, кто никогда не видел Колю... Все будет очень застывшее, а, может, главное как раз - это его импровизации. Остаются рассказы, мысли записанные или когда-то высказанные.

"Тонкий лирик", - с иронией говорил сам о себе, наполнял свою жизнь идеями: придумывались поездки - еще один талант в умении расшевелить и вытащить на природу людей, писались сценарии к пьесам, которые разыгрывались к удовольствию друзей, становившихся участниками. Желание организовывать многолюдные представления и одиночество творчества.

"... Две белых кошки живут в море, простирающемся до самого горизонта на уровне подоконника 10-го этажа 12-этажного дома. Наверное, волн в этом море никогда не бывает, иначе давно затопило бы квартиру. Когда утром ты просыпаешься, встаешь и откидываешь трепещущие на ветру, пропитанные солнцем легкие занавески, кошки плывут тебе навстречу. Они совсем не боятся людей и обожают свежую землянику, которая хранится на подоконнике в эмалированных кружках."

"Незамутненный" - еще одно Колино словечко; наверное, немного таких людей в каменных городах, где всем не хватает времени для романтики. Бесконечно долго смотреть на карту (как на огонь или воду) смешивая реальный и воображаемый мир, а потом отмечать на карте те места, где бывал.

Умение наполнить жизнь идеалами, любимыми делами, творчеством оставаясь "оптимистом с открытыми глазами". В юности - бригада "Че Гевара", затем КАС, участие в анархических изданиях, журналах "Ровесник", "Вокруг Света". И планы, планы...

Еще одна цитата из автобиографии к сборнику "Черный фронт":

"Николай Муравин родился в Москве в 1966 году. Биография его (служба в армии в промежутке бесконечного процесса обучения в школах, техникумах и вузах) для широкой публики интереса не представляет, поэтому опускается. Учился, учился, а применять-то полученные знания когда? -спросили мы автора. Он не смог дать вразумительного ответа. Впрочем, знания, приобретенные Николаем Муравиным за долгие годы жизни, несколько отличаются от тех, которые хотели вложить в него многочисленные преподаватели."

Активное участие в жизни, желание что-то изменить в существующей действительности...

Стало очень пусто, не сжать сердца в прежнюю меру, помнить? А что мы еще можем.

Елена ЗОРИНА

Мы искали его в мутных водах речки Мды неделю спустя после его гибели. Я подумал: мы все равно никогда его не найдем, в лучшем случае только тело, служившее оболочкой тому, что мы потеряли навсегда. В такие моменты, когда уходит близкий друг, да еще такой замечательный, даже самые убежденные атеисты могут поверить в переселение душ, потому что невозможно вынести эту чудовищную, не укладывающуюся в голове мысль - ты больше никогда не увидишь его. Как же так, ведь ты то и дело наталкиваешься на места, людей, впечатления, мысли, которые раньше делил с ним, которые, быть может, приобрели для тебя очарование именно потому, что он заразил тебя своим жизнелюбием, заставил взглянуть на что-то в новом, неповторимом свете. Или бывало ты спорил и не соглашался с ним, сетовал, как же он не может понять... Теперь сетовать не на кого и делиться не с кем, но ты продолжаешь смотреть на мир и отмечать про себя: Коле бы это понравилось, он бы танцевал с тобой и несколькими сотнями радостных молодых людей на улицах Берлина, пестрая змея-демонстрация, всюду улыбающиеся лица, латиноамериканская музыка, а вечером испанское вино и паэлья, и разговоры заполночь... А это мы делали вместе... и в Прямухино в прошлом году... И очередной пикет содидарности с Восточным Тимором, кто будет теперь его делать?.. Ты сделаешь то, что не успел сделать вместе с ним, и, быть может, на место павших борцов придут другие. Но сейчас в это не верится, потому что он был лучше нас, живее и от своей политической деятельности в человеческом плане пострадал меньше, чем остальные. И ты сойдешься с новыми людьми, и, быть может, у тебя будут близкие друзья, но вот Коли уже не будет. И ты говоришь "ты", хотя пишешь о себе и надо писать "я", но когда ты вспоми-

наешь о нем, то и на себя отчасти смотришь его глазами. Раньше он был с тобой и ты был просто "я", а теперь наступило такое странное раздвоение личности. Он превратился в цветы, или, может быть, в эту маленькую трясогузку, в этот зеленый куст и весенний ветерок. Или просто сидит на горке, пока эти люди (мы) суетятся на берегу в поисках того, чего больше нет. Его больше нет. Он останется с нами и в нас, но ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ.

Михаил ЦОВМА

Всегда так бывает: сначала непонимание, потом тупое отчаяние, потом - привычка (ко всему привыкаешь - привычка свыше нам дана). Как говорят: жизнь продолжается. За одним исключением.

Коля, Коля. Пытаюсь сказать - написать то есть, пытаюсь собрать воедино обрывки эпизодов, клочки воспоминаний, обломки фраз - как Робинзон после кораблекрушения подбирал крохи того, что осталось от его корабля. Пытаюсь обратиться - куда? к кому? - нет ответа, пустота. *Главное* - уходит, как песок между пальцев. *Главное* - невыразимо, несводимо ни к чему - ни к отрывочным воспоминаниям, ни к формальным "ролям", "делам", "функциям".

Когда случается такое, что уходит кто-то очень родной, внезапно обнаруживаешь (и сразу же теряешь) *его мир*: до этого он был включен в мою вселенную и незаметен, а вот случилось - и брешь, какая-то брешь в мироздании, которая потом долго не зарубцуется...

Его мир, его жизнь, о которой я знаю так много (не один день могу рассказывать) - и так ничтожно мало, и о которой никогда больше не узнаю ничего. У него - своя жизнь и - нелепая смерть. Ведь он прошел Ямал, Карпаты, Хибины, наверное пол-Евразии прошагал, проплыл, проехал, и - пропал в этой тихой, такой мирной и безобидной новгородской речушке под названием Мда. Смерть всегда чудовищно, невообразимо нелепа, но смерть в тридцать лет, смерть так неожиданно и, главное, - его смерть, того, кто был, наверное, самым земным, человечным и живым из нас?!

Коля ведь по-настоящему любил жизнь во всех ее проявлениях: любил компанию, общение, любил природу и путешествия, любил романтику революции и борьбы. Далекий от любого догматизма, он полной грудью любил жизнь - во всей ее поэзии и конкретности. И любовь эта была какая-то очень естественная и земная - без экзальтации и патетики. То есть патетика и внутреннее пламя, конечно, были - но они были всегда очень глубокими, затаенными, даже скрытыми. Если бы ему теперь это было не все равно, я бы сказал, что поминать его и вспоминать о нем надо сдержанно: он был (внешне) сдержанным человеком и, кстати, подчеркнуто сдержанным литератором; любимым писателем его был Хемингуэй. В этой нарочитой сдержанности и лаконичности - один из главных секретов прелести колиных рассказов и статей.

Один из наших общих друзей назвал Колю - и это название прижилось - "начинающим великим писателем". Так он и остался "начинающим", не успев начать - весной этого года он взялся за свой первый роман. Роман о Латинской Америке и революционерах...

А еще - он любил дарить всем ножи: так боролся с суевериями и предрассудками.

А еще - сочинял он всегда или что-то веселое или что-то героическое и очень любил всякие стилизации (под Гомера, под рекламу, под Голливуд, под "Тысячу и одну ночь", под африканские сказки...)

А еще - он был душой компании, всегда всех тормошил, раскручивал, веселил, вытаскивал на природу из душного буржуазного города. Выступать публично, впрочем, он не очень любил и даже нервически заикался.

А еще - всегда вокруг него было много разных палестинцев и боливийцев, испанцев и курдов: "солидарность" для него не была пустым словом.

А еще - он не любил чрезмерную рефлексию и теоретизирование, - его всегда влекло действие, борьба, поэзия реальной жизни.

А еще - после знакомства с Колей я ко всем географам стал относиться с теплотой и симпатией.

А еще - он был просто добрым: не добродушным, но доброжелательным. В нашей среде всегда хватало всяческих склок, но Коля обычно был вне их.

А еще - он любил географические карты и всякие загадочные слова. В его журнальчик "Мура" попала фотография из чешского журнала с подписью: "производство гигантского ингота". "Что такое ингот?" - спросил я его. "Не знаю." Ему просто понравилось это слово.

А еще - где бы он ни оказывался, он мигом доставал записную книжку и начинал что-то зарисовывать в нее, смотря по ситуации: на Ямале - белых медведей, на "муравинских четвергах" - нас.

А еще: "хозяин четвергов" - так представлялся он часто.

Что-то здоровое, бодрое, живое всегда ощущалось в Коле; он всегда спешил и торопился жить, писать, встречаться, путешествовать. То он ехал куда-то в Сибирь встречаться со староверами, то устремлялся на конференцию революционных курдов, то выводил нас на пикет в защиту Восточного Тимора или делал доклад о чилийской революции. Мастер импровизации, бывалый походник, заводила всех игр и поездок, гулянок и анархо-елок, Коля стремился, чтобы праздников было как можно больше, а будни сошли на нет.

На анархо-елке в декабре 1995 года он устроил игру "Знаете ли вы язык кечуа?" Мы не знали этого языка и не знали, что это его последний Новый Год.

Многое можно вспомнить: и череповецкий эколагерь, и прямухинскую вольную артель, и студенческие лагеря у МГУ, и митинги, и "муравинские четверги", и всякие издания и листовки, и всегда и везде - Коля. Что там было у него внутри - кто знает, кто ответит? У меня были некоторые свои догадки - но кто их теперь подтвердит (а при его жизни, конечно же, мне некогда было на этом сосредоточиться)? Какие-то тексты, картинки, какие-то эпитеты, какие-то фото и кинокадры... О главном сказать нельзя. Я и не пытаюсь.

Алиса (в Стране Чудес) задается вопросом: как выглядит пламя свечи, *после того*, как свеча погасла? Если бы знать!

Первого Мая на митинге мы пели "Варшавянку". И Коля Муравин пел вместе со всеми: "Нас еще судьбы безвестные ждут". Жить ему оставалось всего одни сутки...

Петр РЯБОВ

ПОД ГОРОДОМ

Николай МУРАВИН

Правило такое: не стоять. Шагать, двигаться, бежать вниз, бывает, и вверх тоже. Есть станции, где на эскалатор уходит больше двух минут, а так - секунды. Впрочем, не в секундах дело.

Утро. Бегу. Ступаю на эскалатор. Мгновенное ощущение удвоенной скорости, иллюзия: следующий шаг - полет, скольжение в струях упругого теплого ветра в наклонной шахте. Но - никакого полета. Справа вереница затылков и спин. Поворот головы - женский профиль - условный рефлекс, никакого смысла. Мимоходом заголовки газет, обрывки фраз

ПЛОХ ТОТ ПОЛИТИК *-трах-перетрах - хорошо ли вы слышите* **- ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ**

обрывки фраз, летучий отпечаток на коре головного мозга. Это пройдет. Никакой информации.

Потом оказываешься на дне, среди мрамора, колонн, картин, статуй, оказываешься раньше многих, но ведь и они рано или поздно туда прибывают. И, если не успел к поезду, как бы ничего не выигрываешь, сталкиваешься с ними на платформе. Лиц не видел, опознаю по одежде, по фигуре. А они, если заметили меня, могут подумать злорадно, или равнодушно, или, редкость, сочувственно: дурак, бежал, суетился, а ведь хренушки! Могут. Но ошибутся.

Движение, конечно, не все, у движения есть цель, но иная. Вы подчиняетесь ритму, а я стараюсь его сломать. Выйти за пределы монотонности можно двумя путями: либо ускорившись, либо затормозив, второе обычно не по мне. Но выход возможен только на отдельных участках, а вот он, поезд, нагретая гусеница выползает из тоннеля, она проглотит нас всех, и тут уж ничего не поделаешь. Город примется за нас всерьез, утренний сеанс дрессировки.

Не стоит о традиционно-тоталитарных метрокрасотах, о каменных партизанах и бронзовых матросах, о мозаике в стиле старых мультфильмов, о барельефах, горельефах, мегарельефах, озаряемых блицами временно шмыгающих здесь говорливых интуристов. Не стоит описывать интерьеры. Трупу, право, без разницы, - раскроили ему череп дамасским клинком или прострелили висок из пистолета ТТ. Просто метро - сегодня и ежедневно. Метрометрометро. Желудок города: это банальность, но правда. Пару раз в сутки переваривает почти всех. Процесс постепенный, но и спешить некуда. Солидность и постоянство. Годам к 25 достигаешь нужной кондиции, некоторые раньше, позже немногие. Деться-то некуда.

О, говорить об этом можно красиво. Спрут, удав, электрический пес - все образы к моим услугам. В метро ОНО активно трудится. Здесь вообще нет неба, деревьев и птиц, отвлекающие моменты сведены к минимуму. Сумма давления саркофагов зданий на поверхности проткнутого трубопроводами, приуроченного и освоенного слоя планетарной породы над сводом тоннеля - хороший способ отсечения ненужного. Нужное легче входит в голову на глубине десятка метров. **КУПИМ-КУПИТ ОРГАНИЗАЦИЯ-ВАША МЕЧТА ОСУЩЕСТВИМА-<u>АКЦИИ ОБЕСПЕЧЕНЫ НЕФТЬЮ</u>**. Это она, высокая эффективность рекламы в метро. Так это называют.

А Пес (пусть будет пес, не спорьте!) все вгрызается в стены. Это стены ваши, его курс снаружи вовнутрь. Желтая краска, умерший свет, пестрая схема с установленным раз навсегда порядком станций. Закрыть глаза. Открыть глаза. Закрыть крепче. Бесполезно. Остается отражение в стекле - лица мои, твои, соседей. Остается носом в книгу, я становлюсь наркоманом. Я почти полюбил то, что нагружает книжные лотки. Это не литература, а средство выживания. Иллюзорное, естественно.

Но бывают и темные вагоны, один-два на поезд. Кое-кто (наблюдаю, как расслаивается толпа при посадке), кое-кто избегает их, бросаясь к соседним дверям, кое-кто наоборот, решительно шагает в распахнувшийся полумрак. Несравненное наслаждение не видеть стен, соседей (лишь силуэт, о котором можно что хочешь вообразить), не видеть схем, плакатов, отражений. В темноте страхи другие: иногда на длинных перегонах дрожащее сияние на полу, вроде бы отпечаток ближайших светлых окон, начинает расширяться, тихо переползать к ногам пассажиров, а прожектора, бьющие из-за сетки КЛЭП, преследуют вагон, не выпуская из своего синего луча, доказывая тем, кто может их видеть, существование грозного пространства Метро ноль.

Но это все поэзия, а действительность прозаична. Мы трясемся в тесном, горячем замкнутом пространстве. Людей, естественно, что селедки, утром-днем-вечером - количество неизменно, вот разве что ночью, с обоих ее концов... Мне, в общем, совсем не хочется видеть их, куда приятнее изучать печатные знаки, процессы за стеклом или изнанку собственных век. Кроме некоторых случаев, кроме конкретных девушек, например. Здесь есть время их рассмотреть, не то что наверху, на бегу, вполоборота, нет. Здесь они, как бабочки в коллекции, пришпилены к месту. Хотя все мы здесь в равном положении, но их жалко. Мне кажется, их похитили. Не у меня, у того вольного широкого мира, о котором изредка (часто - вредно) я мечтаю. А похититель: метро - часть его тела, глазищи его - иллюминация реклам, граница с его территорией иногда режет лезвием, иногда неощутимо мягка, а иногда рвет до крови, как колючая проволока, плоть бегущего. Пес! Выдающийся генетик, тотальный селекционер, он выводит себе людей. Хотя бы клерков вот этих, неизвестного цвета воротничков (не разбираюсь), костюм-униформа, подтянутый галстук, а может, это сам бизнесмен, забрел в метро по устарелой привычке, этакий бизнесмен-шатун, по какому-то поводу без мерседеса. Но мне до него дела нет, а вот до девушек есть. И ему тоже есть, вот забавно. Как бы для него, на глазах прогрессивного человечества, выведена новая порода секретарш-референтш-брокерш и т. д. Женский стиль допускает больше разнообразия, но все равно униформа очевидна. Все эти темные туфли-колготки, отутюженные пиджаки, маникюрбижутерия, все подогнано не ниже определенного уровня, не ярче определенного стандарта, обезжиренная и обезвоженная красота-вектор. Вот и в этой стране она в моде. Все мы проданы, некоторые более. Все мы вынуждены продаваться, в этом нет конкретной вины, впрочем, оправдать можно многое, было бы желание.

А электрический пес все вгрызается в стены. Когда-нибудь его челюсть замкнет красный контакт, и неслабый фейерверк увидят счастливчики, которым будет дано! Взорвется он вместе с городом, уже сейчас миллионы бессознательных камикадзе ведут кропотливую конспиративную борьбу за его уничтожение. И временами кажется мне, что и он хочет того же. Стоишь, например, после нуля часов на пустом перроне, и вдруг на табло после цифр 9.59 начинают выскакивать буквы Y,O,X... Они не складываются в слова. Возможно, это чужой язык, или стон и вздох огромного усталого зверя.

А однажды, тоже поздним вечером, я видел, как метро убило человека. Он стоял на платформе просторной и теплой станции, приближался поезд, гипнотизируя его сиянием желтых глаз, человек шагнул вперед, поезд переехал его и через десяток метров остановился, возбужденно скрежеща тормозами. Потом его доставали перепуганные машинисты, милиционеры, дежурные, открывали какие-то люки, спускались с фонарями под колеса и наконец извлекли окровавленное тело с неестественно вывернутыми ногами. Группки полночных пассажиров бродили по платформе, переживая и обсуждая. Поезд замер, притихший, довольный. Сказали, что человек был пьян.

- Девушки не виноваты, - думаю я в обычное душное время, утром в сторону центра, вечером в обратную сторону. - Они нежные и красивые, они не виноваты. Вот сидит их несколько штук, вперемешку с прочим народом. Меня не замечают, думают кто о чем, но похожесть их мыслей в этом поезде запрограммирована, ну а я о них думаю. Без всякого сексуального подтекста. Они не виноваты, не они сотворили город и метро под ним, в отличие от парней с крутыми затылками, военных, бизнесменов, цыган и прочего населения горячей гусеницы, несущейся под асфальтом на глубине десятка метров. Они пленницы, с нежностью думаю я, хотя, конечно, ошибаюсь относительно многих.

Я в этой духоте загнан в угол, приплюснут к стеклу. Через сколько-то мне выходить, как и другим, а этим раньше, а тем позже. Но из моего угла их совокупность представляется непробиваемым монолитом. Бывает момент бессилия, когда опускаются руки. Станция - сквозь них - даже если пройду новые толпы - куда дальше - наверх по эскалатору вместе с толпой - куда дальше?! Кругом тот же город, и в нем, добавим, и даже в большом радиусе за его пределами, власть Пса не ограничена. И вот я в углу, зажатый плотными сегментами противодействующей массы.

Случается: такое, наверное, чувствует шахтер под обвалом, безысходное подземное одиночество. Будь во мне больше человеческого, тут бы и конец, но, видимо, природа-мать снабдила меня некоторыми навыками выживания в супер-животе. Ледяной сталактит тоски втыкается в сердце, а на лице ничего. Ничего особенного не должны заметить граждане пассажиры, а ведь, сложись иначе, кого-то из них уже выносили бы... бритва, нож, пистолет... **МАНЬЯК В МЕТРО** другой схватит завтра заголовок из газеты, пробегая по эскалатору.

От погружения в отчаяние меня удерживают глаза. Взгляд прямой, внимательный, но не изучающий. Вопросительный. Кто? - летучей мышью шарахается в голове паническая мысль. Кто здесь, в зоне анонимных рабов города, пытается нарушить мое инкогнито? Враг? Друг? Случайность? Это девушка. Незнакомая девушка наискосок от меня, ее лицо в промежутке толстых стоящих - прекрасный портрет в аморфной уродливой раме. Чем я привлек ее, чем заслужил... ах да, ясно, она готова спросить, она крикнет сейчас, что с вами, вам плохо? Она вежливая девочка и отзывчивая... а у меня какой-то прокол... и, быстро возвратив на место бесцветную маску подземелья, сигнализирую осторожно, чтобы не показаться наглецом: спасибо, все в порядке. Взгляд становится чуть-чуть виноватым: просит прощения, вмешалась не в свое дело, уединение нарушила.

Потом опускает глаза, там у нее, наверное, раскрытая книга. Свидание окончено.

Между нами расстояние метра два, густо наполненных различными препятствиями. Даже если... но места рядом с ней никогда не будет, не может быть... а если выйти с ней? И вот она встает и пробирается к дверям, мелькают среди затылков ее волосы, профиль, чуть повернутый ко мне, будто хотела еще раз посмотреть - но это невозможно! - но оборвала, не завершила движение. Поезд тормозит, меня бьет о спину впередистоящего. "Выходите?" - обернувшись, услужливо спрашивает тот. Это чудо, и это меня останавливает. Так не бывает. Ловушка? Нет-нет. А она уже стоит прямо возле дверей, двери, шипя, распахиваются, она исчезает, и ей на смену в вагон врывается новая порция тел.

Гляжу на стоп-кран, гляжу на них, окружающих. Скорость успокаивает, успокаиваюсь постепенно, возвращаюсь в привычное состояние индуцированной усталости. Стремительный бег поезда в тоннеле, мелькание КЛЭП за стеклом. Мне нравится слово КЛЭП - кабельные линии электропередачи. Перед пассажирами схемы, реклама, отражения, а я нередко наблюдаю за КЛЭП. И поэтому не сомневаюсь в существовании Метро-ноль. Термин мой. Элемент пижонства, в нем есть, но все-таки ноль, кольцо, форма совершенная, бесконечная, непознаваемая. Значит, все верно.

Даже из мчащегося поезда замечаешь залы, освещенные перекрестки, боковые коридоры. Писали о них: метро КГБ, метро армии, гигантские подземные склады и прочее, черная мошкара слов, где правда - одно на десять, или все неправда. Потому что есть сияние на полу вагона, - я уже говорил, есть прожектора, бьющие сквозь КЛЭП, есть момент тишины во внезапно остановившимся поезде, и, возможно, там есть своя жизнь, а о ней никто не писал. Только пугали крысами-мутантами да карманами газа. Нет, там другое. Я иногда чувствую это. И, иногда, - на исходе приступа подземной тоски, когда она острее всего, как ночной холод перед рассветом, - хочется дернуть стоп-кран, разжать, вышибить автоматические двери, спрыгнуть в темноту, отбежать (если зал или перекресток - оглянуться: поезд, золотые окна, как пароход на ночном рейде), и уходить, уходить, ведь уже прозвучал сигнал тревоги. О, какое начнется веселье, зазвонят телефоны, лампочки замигают, и отряды подземного спецназа в спецкостюмах и со спецоружием попрыгают в свои спецтранспортные средства - какие-нибудь бронированные супердрезины. И, думаете, отчего такая суета? Из-за человека? Спасать беднягу от метана, вырывать из крысиных челюстей? Ничуть. Просто некий микроб, не имеющий допуска, проник в запретный сектор, и способен там наломать дров (они-то наверняка решат, что я сумасшедший!). Это побег! Стоять, руки за голову, стоять, сука! Кроме того, они испугаются, что Метро-ноль не уничтожит меня, потому что оно все-таки не мир Пса. Иногда я это чувствую.

Мне, какой я есть сейчас, разумеется, там не выжить, но там в конце тоннелей должен быть свет, должен быть какой-то выход. Наверх, в светлую и просторную страну без городов, или в какое-нибудь сказочное измерение Реализации желаний, или еще куда... Но одному пройти почти невозможно. Вот если подойти к девушке, сказать - бежим! Бежим, не думай, не бойся, это возможно только сейчас! И она посмотрела бы прямо, без страха, и тут же - стоп-кран. Бред, бред. Поставь себя на ее место.

Ну вот. Ну вот я в вагоне, прижатый коленями к сидящим коленям, вишу на поручне, цепляясь обеими руками; манера пьяного, меня за пьяного и принимают, но мне плевать на их мысли, устал. Вот выхожу, пересекаю вестибюль, обгоняя своих экс-соседей, бегу на переход, два десятка ступенек вверх и короткий коридор, и утыкаюсь в пробку спин, медленно всасывающихся в следующий ярус. Это не самолюбование, просто фиксация - а ведь кадры уникальные. Но все равно никому не интересны.

На эскалаторе, или в телокипении платформ, или в вагоне, или на входе-выходе бывают лица, почему-то мне важные. Дети, мужчины, женщины; лица, на которые вдруг хочется смотреть. Я останавливаюсь, расслабляюсь, нащупав лопатками полированный камень, - надежно, поток не снесет, - и наблюдаю, как исчезает в водовороте человек, который мог стать кем-то для меня, или я для него, или просто могли встретиться еще раз, но не встретимся, две щепки в море, две песчинки Великой пустыни, если угодно поэтически. Догадываюсь, что такова одна из разновидностей пыток, применяемых здесь. Надо сказать, бывает и наоборот, - когда вздрагиваешь от счастья, с какими-то лицами разминувшись через несколько шагов, как выключаешь экран триллера. Таким образом, кнут и пряник; но кнут чаще. Не стоит драматизировать, обычно все без последствий. Каждую ночь, когда под пологом сна исчезают Город, люди, необходимость, защитные механизмы мозга стирают опасную информацию. Защитная броня сердца тоже не отстает, наращивает толщину; еще немного, и сам Электрический пес станет мне невидим, неощутим, по крайней мере, неинтересен. Другой, наверное, мог бы и в самом деле сбежать, а про меня - о, Пес не отпустит, он знает, кто пытается ломать ритм движения по утрам, он присматривает за мной. Вы скажете: чушь, ничего этого не существует. Воля ваша, да пусть не существует и меня тоже. Но только я езжу каждый день в метро, бегаю по эскалаторам, ввинчиваюсь в переполненные вагоны, замираю в углу, погружаясь в дешевые истории без иллюстраций, или закрываю глаза, пытаясь вызвать видение мокрой травы на горном склоне, или скольжу рассеяным взглядом по рабочим, военным, цыганам, инженерам, девушкам... Вот студентка, читает конспект, шевеля губами. Вот юная секретарша, нога на ногу, демонстрация колготок. Вот девушка приезжая... Ага - оживитесь - понятно теперь. Возможно, вы и правы. Возможно, все сказанное ранее - всего лишь послание одной из них, телеграмма в две тысячи триста слов. Возможно. Если я стану отпираться, вы все равно не поверите мне. Вы ведь знаете все про всех нас, и про меня тоже.

июль 1993 г.

КНИГИ - ПОЧТОЙ

Алексей Боровой. Бакунин.
Популярное изложение философских и социально—политических идей замечательного русского анархиста. В брошюре нашли отражение взгляды Бакунина на природу человека, его свободу, бунт, религию, науку, национальные проблемы, государство, революцию. 3000 руб.

Петр Аршинов. История махновского движения.
Одно из самых интересных и правдивых исследований махновского движения, написанное другом и соратником Махно. Книга была впервые издана в начале двадцатых годов русскими анархистами—эмигрантами и до последнего времени была совершенно недоступна российским читателям. 15000 руб.

Георгий Хаджиев. Позитивная программа анархистов. *3000 руб.*

Для получения брошюр и книг необходимо отправить почтовый перевод на указанную сумму по адресу: 125475 Москва, до востребования Рябову П.В. В графе "для письменных сообщений" укажите на что вы переводите деньги. Цены указаны с учетом стоимости почтовой пересылки по России. Выславшим конверт с марками и обратным адресом высылается каталог анархической и леворадикальной литературы (подписчики "Наперекора" получат каталог и другие информационные материалы бесплатно).

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мюррей БУКЧИН

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕСТВА:

НА ПУТИ К ЗЕЛЕНОМУ БУДУЩЕМУ

Книга известного американского анархиста и эколога, стоявшего у истоков мирового зеленого движения, теперь доступна русскочитающей публике. Социальная экология, национальное государство и капитализм, анархия и либертарные утопии, провал "пролетарского социализма", новый левый радикализм и контркультурный утопизм, феминизм и экология, либертарный муниципализм - это и многое другое вы найдете в книге, увидевшей свет в издательстве "Третий путь".

Стоимость одного экземпляра - 10 тыс.руб. включая расходы на пересылку. Почтовый перевод следует выслать по адресу: 606029, Дзержинск, ул.Терешковой, д.28А, кв.49, Фомичеву С.Р. В графе "для письменных сообщений" разборчиво укажите свой адрес.

наперекор

катализатор умственного брожения

N3 июль-август 1996

Редакционный совет:
Лора АКАЙ, Вадим ДАМЬЕ, Елена ЗОРИНА, Михаил МАГИД, Николай МУРАВИН, Петр РЯБОВ, Михаил ЦОВМА

Связь с редакцией по адресу:
107061 Москва, а/я 500
E-mail: cube@glas.apc.org

Для подписки на наш журнал достаточно отправить почтовый перевод по адресу 125475 Москва, до востребования Рябову П.В. В графе "для письменных сообщений" укажите сколько и каких номеров журнала вы хотите получить. Стоимость подписки: на 1 номер - 5000 руб., 2 номера - 9000 руб., 3 номера - 12000 руб. Цены даны с учетом почтовых расходов. Помимо самого журнала подписчики регулярно получают книжные каталоги, информбюллетени и др. материалы. Оптовым распространителям (от 5 экз.) журнал предоставляется со значительной скидкой. Перепечатка материалов журнала приветствуется, ссылки желательны, хотя и не обязательны. Мы просим присылать нам экземпляры изданий, где опубликованы наши материалы.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

В июле в Тверской области, на родине М.А.Бакунина приступит к работе Прямухинская вольная артель, занимающаяся восстановлением парка и усадьбы. Заезд второй партии артельщиков - 15 июля. Обращаться по телефону (095) 270 98 34, Михаил.

В августе планируется очередной экологический лагерь "Хранителей Радуги", место и время проведения которого до сих пор держатся в строжайшем секрете. Если вам повезет, вы сможете узнать о них по телефону 299 29 70, Влад Тупикин (звонить в рабочее время).

С 19 июля по 4 августа в Польше, неподалеку от Вроцлава будет проходить летний лагерь, цель которого - налаживание связей между различными экологическими, антимилитаристскими, антифашистскими и феминистскими группами и движениями. Участники обсудят стоящие перед ними общие проблемы (в частности, положение в странах Восточной Европы) и возможности объединения усилий для их совместного решения. Обещают интересные темы для дискуссий, экскурсии, игры, музыку и вегетарианскую кухню. По вопросам участия в лагере обращаться по адресу: Stowarzyszenie Ekologicane 'Zieloni', P.O.Box 1089, PL 50-951 Wroclaw 3, Poland. Tel./fax (48-71) 402826.

В Чехии с 28 августа по 1 сентября пройдет очередная встреча анархистов и анархо-синдикалистов из стран Восточной Европы. С организаторами можно связаться по адресу: PO Box 5, 15006 Praha 56, Czech Republic.

В ноябре в Москве планируется провести юбилейную конференцию, посвященную памяти Макса Штирнера (1806-1856), одного из самых замечательных представителей анархического индивидуализма, впервые с такой силой и ясностью бросившего клич освобождения личности. Желающие принять участие в конференции могут обращаться в редакцию "Наперекора".